

Евгений СУХОВ

УБИТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ЭНЦИКЛО

Разудалое посольство

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Убить Петра Великого

«ЭКСМО»

2008

Сухов Е. Е.

Убить Петра Великого / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2008 — (Разудалое посольство)

Невиданное до сих пор Великое посольство отправилось из России в Европу. Во главе его – сам государь, выдающий себя за простого бомбардира Петра Михайлова. Никто не признает в нем русского царя. Проводит бомбардир на корабельных верфях весь день, работает топором, как обычный плотник, а по вечерам пьянствует да с девками гуляет. Но европейские властители видят в Петре сильную угрозу. И готовят сразу два заговора. Шведский король Карл XII надеется на помощь графини Корф, которая должна подослать к Петру наемного убийцу. А французский принц де Конти нанимает пирата, который должен уничтожить русский фрегат вместе с царем. Но под счастливой звездой родился Петр...

© Сухов Е. Е., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Часть I. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СЫСК	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	36
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Сухов

УБИТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Часть I. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СЫСК

Глава 1

ЕГО МОЖНО ПОДКУПИТЬ?

Князь Федор Юрьевич Ромодановский был хмурым, как всегда в трезвом состоянии. Покосившись на Егорку, продолжавшего стоять в полупоклоне у дверей, недовольно пробурчал:

– Проходи! Чего пнем застыл? Вот сюда оседай, – указал он на табурет.

Егорка взглянул на грубый табурет, на котором несколько минут назад сиживал колодник с рваными ноздрями, и, будто бы опасаясь ободрать сидалище о серую неприглядную занозистую поверхность, присел на самый краешек. В бревенчатую стену было вбито большое металлическое кольцо, к которому прикрепляли острожников.

В какой-то момент Егорка почувствовал себя неудобно под тяжеловатым взглядом Федора Юрьевича.

– Углядел?

– А то как же! – почти обиделся Егор. – Поначалу он вместе со всеми в обозе ехал, а когда санный поезд с горы стал спускаться, так он в город отправился.

– К послу Кинэну? – предположил Ромодановский, взирая на исправника с прежней неучтивостью.

– К нему, Федор Юрьевич, – подхватил охотно Егор. – Как выехал в Троицкий переулок, так сначала осмотрелся, не наблюдает ли кто за ним, а потом в дом вошел.

– Вот оно как! И сколько же он там пробыл?

– Думаю, что с полчасца, – отвечал Егорка, призадумавшись. – Когда в горнице оказался, достал из-под кафтана грамоту и послу отдал. О чем-то переговорил и скоренько вышел. Федор Юрьевич, милосерден ты! Надо бы на дыбу этого шведа, покудова он смуту в Москве не посеял!

– Матвей! – позвал князь Ромодановский.

– Я здесь, князь! – предстал перед Федором Юрьевичем палач.

– Сказано же было, что холодно в палатах! Дровишек надобно подбросить, – кивнул он в сторону остывающей печи, – а то у меня аж иней на ушах.

Заплечных дел мастер чуть подался вперед, как если бы и вправду хотел рассмотреть заснеженные уши князя Ромодановского.

– Это я мигом, Федор Юрьевич, – распахнул дверцу Матвей. – Уголечков-то полным-полно, бросить дровишек, так они сами распалются!

Подле печи аккуратной стопкой была сложена невысокая поленица. Здесь же, в самом углу, стояла кочерга. Подхватив ее, Матвей усердно пошуровал в печи, распалая огонь, а когда в комнату дохнуло жаром, взял березовые дрова и швырнул в распахнутый зев печи, не без удовольствия наблюдая за тем, как занимается огнем ссохшаяся кора.

– Сейчас теплынь грянет, Федор Юрьевич, хоть порты снимай! Хе-хе-хе!

– Поговори мне! – пригрозил пальцем судья Преображенского приказа. – Ладно, поди прочь, не до тебя.

Отерев о полы рубахи испачканные ладони, палач ушел так же незаметно, как и появился. Несмотря на свой немалый рост, Матвей умел быть неприметным. И только во время прилюдной казни, подпитываясь тысячами взоров зрителей, обращенных на помост, позволял себе становиться главным действующим лицом.

Дверь неслышно закрылась. На двор густыми хлопьями падал снег, а солдаты, одетые в овчинные тулупы, несли службу у парадного крыльца, то и дело стряхивая с мохнатых воротников налипший снежок. Дрова потрескивали, наполняя комнату теплом.

– На дыбу, говоришь, – мрачней, произнес Ромодановский. – Только как же его брать, ежели он посол! А потом, если мы с бароном Кинэном лихо учиним, так они нашего Романа Артемьевича Воронцова в темнице сгноят. Тут думать надо, – протянул невесело князь Ромодановский. – Ты вот что, Егор, глаз с него не спускай! Докладывай обо всем, что в доме творится.

– Сделаю, Федор Юрьевич, – охотно отозвался исправник, заглядывая стольнику в лицо.

– Кто приходит, кто выходит, как долго они у него сживают. Девка у тебя есть? – неожиданно спросил Ромодановский.

– Машенька у меня нареченная, – зарделся Егор.

– Кто такая?

– С Лушков. Я ее сызмальства знаю.

– Дело хорошее, – вновь отчего-то насутился Федор Юрьевич. – А только для дела тебе не мешало бы со служанкой барона поближе сойтись. Видал я ее, знатная девка. Бедра – во! – растопырил он руки. – Девки падки на подарки. купишь ей пряников, – сунув руку в карман, Ромодановский извлек горсть серебра. – Возьми... Ситца девке подберешь с цветами, да такого, чтобы понравился. На праздник! Они это ценят.

– Исполню, Федор Юрьевич, – с готовностью сгреб серебряные монеты Егор.

– Будешь расторопным, в дознаватели переведу, а еще шубу с моего плеча получишь. Она тебе великовата малость, но зато новая... Скорнякам скажешь, перешьют!

– Спасибо, благодетель, – расчувствовался Егорка.

– А теперь проваливай давай, письмо государю отписать надобно, пусть последят за лиходеем.

* * *

Пятница. День приемов. Через минуту должен подойти военный министр барон Клаузе с докладом об общем состоянии дел в Европе. Кроме того, от него можно получить немало новой информации о русском царе. Король Август не любил пятницу и часто перепоручал прием начальнику канцелярии, но в этот раз он решил послушать доклад.

Раздался сдержанный стук в дверь. Министр заявлялся в кабинет секунда в секунду.

– Что там известно про русского царя? – спросил король после того, как барон Клаузе разложил на столе свои бумаги.

– По Европе русский царь разъезжает инкогнито. Представляется Петром Михайловым и даже не откликается, если его называют как-то иначе. Во главе посольства стоит Франц Лефорт, швейцарец по происхождению. На Петра он имеет колоссальное влияние. По складу ума – типичный авантюрист. Образование получил начальное, но чрезвычайно умен, знает несколько языков.

– Какова цель посольства?

– Отыскать союзников против Турции. В прошлом году русские сумели отвоевать Азов и сейчас хотят закрепить успех.

– Неплохо было бы заполучить такого союзника, как Россия, в борьбе против Швеции.

– Похоже, что политические дела его совсем не интересуют. Он больше увлечен амурными делами.

– Он ухаживает за фрейлинами? – проявил интерес Август.

Министр скупно улыбнулся:

– Фрейлины требуют обхождения. Русский царь предпочитает действовать наскоком. Поэтому ему в основном приходится иметь дело со служанками и кухарками, которые не смеют отказать русскому царю. – Министр неожиданно рассмеялся, вспомнив нечто забавное. – Впрочем, был случай, когда он пытался добиться благосклонности одной саксонской крестьянки, невзирая на ее протесты. Он повалил ее в стог и хотел тотчас предаться амурным делам. Но из дома с косой в руках выскочил ее отец, и русскому царю пришлось ретироваться.

Курьезный случай рассмешил Августа:

– Ха-ха-ха! Хорошо, что русский царь хорошо бежит, а то саксонский крестьянин намял бы ему бока. Случаи с русским царем забавными анекдотами расходятся по всей Европе. Наши светские салоны изрядно заскучили, так что русский царь добавляет тему для разговоров. Что еще говорят о царе Петре?

– Он чрезвычайно неприхотлив в быту и в еде. Ведет себя, как простой мужик, одевается очень просто и дешево. Не любит носить украшений или каких-то отличительных знаков. По одежде его можно принять за обыкновенного слугу, если бы не вызывающие манеры, которые невольно бросаются в глаза. Кроме того, он выделяется среди прочих огромным ростом. Любит обедать среди прислуги. В его окружении почти не встретить родовитую знать, в основном он окружил себя мелкими дворянами.

– Однако он дальновиден. У мелкогородных дворян нет столько спеси, сколько можно наблюдать у знати. Ими легче управлять. Мне нужен союз с Петром.

– Ваше величество, – распрямился министр, – мы делаем все возможное. Нам известно, что царица Софья предпринимает шаги к тому, чтобы сместить царя с престола.

– А что царь Петр?

– Похоже, что он пока не знает об этом. Вместо себя на государстве он оставил князя Федора Ромодановского.

– Что это за человек?

– Он необычайно предан русскому царю.

– Его можно подкупить?

– Не думаю, – уверенно отвечал министр. – От царя он получает большое жалованье. Кроме того, Петр награждает его всевозможными милостями. Он имеет большие наделы с крепостными крестьянами.

– Какие у него недостатки?

– Он имеет массу пороков, ваше величество. Он невежествен, жесток, едва ли не все свое время проводит в застенках. Любит сам допрашивать узников и пытаться их. Но вместе с тем необычайно честен и очень предан Петру.

– Хорошо. Следите за каждым шагом русского царя и немедленно докладывайте мне о каждом его действии.

Министр Клаузе почтительно поклонился:

– Слушаюсь, ваше величество.

Глава 2

ГОСУДАРЬ, ТЕБЯ ХОТЯТ УБИТЬ

Курфюрст прусский в честь прибытия гостей организовал пышный прием, куда, кроме самого Петра и ближайших его приближенных, были приглашены наиболее именитые жители герцогства.

На Петра Алексеевича приходили смотреть, как на большую диковинку. Почти каждого восхищал гигантский рост царя, простота его в общении, а дам умиляла горячность, с которой русский государь рассказывал о премудростях плотницкого искусства. Причем каждую из них он непременно зазывал на верфь, где обещал продемонстрировать корабельное мастерство. Женщины закатывали глаза и млели только от одного прикосновения «герра Питера».

Особенно Петру приглянулась молоденькая фрейлина из окружения герцогини. Лицом белая, как снег, и с золотыми пушистыми волосами, она напомнила ему очаровательную Анну Монс. Странное дело – в великом посольстве Петр неожиданно позабыл не только о своих прежних возлюбленных, но даже о покинутой супруге.

Фрейлину невероятно забавляла неправильная немецкая речь царя, и она весело фыркала едва ли не на каждое государево слово. Дело складывалось к тому, что он в ближайшие минуты должен был увести ее в густоту тенистого сада, чтобы наедине с прелестной «пастушкой» постигнуть все премудрости «плотницкого мастерства».

В зал вошел озабоченный Меншиков. Отыскал взглядом среди шумного веселья Петра Алексеевича.

– Чего хотел? – невесело буркнул царь, не отрывая глаз от соблазнительной девицы.

– Государь, наедине бы поговорить.

– Что так? – смерив любимца неодобрительным взглядом, спросил самодержец.

В последнее время Алексашка досаждал невеселыми новостями. Широкая ладонь Петра уверенно опустилась на колено девушки.

– О слове и деле государеве говорить хотел...

– Она не понимает по-нашему.

Лицо девушки было бело-молочным, будто бы накрахмаленным. Внешне она напоминала нарядную куклу, какую можно приобрести на ярмарке.

А хороша, чертовка! Иноземные девки так и липнут к государю!

– Изменщик – окольничий Степан Глебов, как и отписано было князем Ромодановским.

– Вот оно как! – огорчился не на шутку Петр Алексеевич. – А я-то думал, наговоры. Что там?

– Мы тут его малость под пыткой допросили. Так он признался, что сам передал французам, будто бы ты морем надумал ехать.

– Зачем же это им надобно?

– Убить тебя хотят, государь, – тихо произнес Меншиков. – Не могут тебе простить того, что ты у них из-под носа Польское королевство увел.

Петр действовал решительно. Он уже давно не знал отказа в любовных потехах. Его ладонь бережно поглаживала девичье колено, после чего приподняла краешек платья.

– И как же они хотят меня убить? – подивился государь. – Я здесь, а Франция далеко.

– Вроде хотят пиратов нанять, чтобы судно твоё потопить.

– Ишь ты, черти! – неожиданно развеселился Петр Алексеевич. – Не успокоились еще. Где этот плут?

– Мы его в каморке заперли, а к нему караул приставили. Что будем делать, государь?

Глянув на улыбающуюся девицу, вздохнул:

– Эх, Алексашка, не даешь ты мне с девками побаловаться. Посмотри, как на меня эта краля смотрит. – Широко улыбнувшись, продолжал: – Я ведь теперь почти неженатый, можно сказать. – Рука государя обхватила девичий стан. – Так что мне о государыне нужно подумать. Глядишь, она и царевной может стать. Знаешь, как ее величают?

– Не ведаю, государь.

– Гретхен! А мы крестим ее в православную веру и назовем, к примеру, Галиной, а то и Каткой! Так что ты, Алексашка, еще и кланяться ей будешь!

– Петр Алексеевич, – взмолился Алексашка Меншиков, – надо бы решить, что делать-то!

– Эх, Алексашка, никакого понимания не имеешь. Не даешь ты мне с девицей потолковать, а ведь я ее плотницкому делу хотел обучить и лавку для этого подходящую выбрал. – Поднявшись, продолжил: – Попрощаться мне с курфюрстом надобно, не сбегать же мне с бала, в мою честь устроенного.

Второй этаж заполнили музыканты. Задвигав стульями, расселись по своим местам. Под взмах коротенькой дирижерской палочки зазвучала музыка.

Приглашенные, разбившись на пары, принялись танцевать котильон. Мужчины были в парадной форме, в ботфортах и без шпор, на головах – накрахмаленные букли. И от особо ретивых кавалеров крахмал разлетался во все стороны, заставляя дам заходиться в аллергическом кашле.

Девушка перехватила ладонь государя.

– Кажись, она танцевать изволит, Петр Алексеевич.

– Гретхен, – промолвил Петр, – я ведь могу только гопака, да вот еще русского.

В самом центре зала в белых рейтузах и голубом камзоле выделялся прусский курфюрст. По грациозным па было заметно, что он преуспел не только в баталиях, но и в танцах. Его партнершей стала молоденькая фрейлина с невероятно милым лицом. Люстра в тысячу свечей позволяла беспристрастно фиксировать малейшее движение лицевого нерва. Длинные ресницы подрагивали, а румяна, намазанные скорее всего отварной свеклой, слегка поползли от пота, оставляя небольшие дорожки.

– Вот что, Алексашка, нам нужно музыкантов в Москву выписать. О, как играют! А наши-то скоморохи только в барабаны умеют стучать. От их потехи в голове гудит!

Смолкли последние аккорды. Проводив девушку до места, курфюрст направился к Петру.

– Кажется, ты заскучал, Питер?

– Что ты, Фридрих, разве в таком обществе и с такими дамами можно заскучать? – очень убедительно произнес царь. – Да вот только идти нужно.

Весь вид государя говорил о том, что для поднятия веселья не помешала бы пара сотен петард да салют на половину неба.

– Тогда в чем же дело? Оставайся еще.

– Ждут государственные дела.

– Мы так и не обсудили с тобой главное.

– Союз против Швеции?

– Вот именно. Против Карла XII. Наши армии могут быть хорошей прививкой против его могущества.

– С превеликим удовольствием, Фридрих, – произнес государь.

Курфюрсту очень импонировал этот простоватый плотник царского звания. Но что-то подсказывало ему, что Питер не так прост, как это могло показаться на первый взгляд.

– Только я вот что предлагаю, не будем подписывать никаких документов. Просто дадим слово соблюдать союзнические обязательства. Потому что наши слова значат куда больше всех этих подписей и печатей!

– Договорились, – пожал государь протянутую руку. – Если Карл начинает войну с тобой, я выступаю против Швеции, если же Карл выступает против России, то ты объявляешь ему войну.

– О да! – широко заулыбался курфюрст, потрясая протянутую руку.

С русским царем не будет особых проблем.

– Надеюсь, что мой уход не омрачит общего праздника?

Герцог обезоруживающе улыбнулся, посмотрев в конец зала. Фаворитка, окруженная поклонниками, не скучала. Но все немедленно откланяются, стоит ему только приблизиться.

– Позвольте мне проводить вас до двери.

Петр Алексеевич широко улыбнулся:

– Не утруждайте себя, курфюрст. Ведь я всего лишь бомбардир Михайлов.

Фридрих весело рассмеялся:

– Ваше положение освобождает меня от многих официальных условностей.

С балкона на втором этаже вновь зазвучал слаженный оркестр. Веселье переходило во вторую фазу.

– Позвольте мне тогда с вами распрощаться. Ведь дамы такие обидчивые.

Петр Алексеевич удалился. Улица встретила его пронизывающим ветром. Застегнув камзол на все пуговицы, поторопил пожившегося Меншикова:

– Ну чего рот раззявил?! Веди! Где он?

В многочисленном обозе посольства, состоящем из нескольких сот слуг, ехало еще полдюжины палачей. Так, на всякий случай... Полгода заплочных дел мастера харчевались за государев счет, и вот сейчас в них настала нужда.

Явился Алексашка Меншиков. Не церемонясь, поскидывал с постелей разнеживавшихся палачей и во всеуслышание объявил о том, что пора отработать скормленный хлебушек!

Для пыточной Меншиковым было подобрано место в подвале дома, где квартировал государь. Поначалу тут хранилось бутылочное вино, которого было такое огромное количество, что им могла упиться половина Пруссии. Но недавно выпили последнюю бутылку...

Осмотрев приглянувшийся подвал, палачи сочли его весьма удобным. Самое главное, что через метровую толщину стен наружу не пробивался ни один звук. Потому, не будоража покой горожан, можно без боязни выкручивать руки крамольникам.

Соскучившись по работе за время вынужденного безделья, палачи старались вовсю. Для начала поломали изменнику нос, а когда тот, отплевываясь от крови, пообещал наказать злодеев, вывернули скулу.

Подпирая макушкой своды, государь Петр Алексеевич спустился в подвал. Трое палачей в красных рубахах стояли полукругом подле человека, подвешенного за стянутые руки к торчащему из свода кольцу. Лица крамольника не разглядеть, оно залито запекшейся кровью, длинные волосы неприбранными лохмотьями стелятся по плечам и груди. Нескладный широкоплечий отрок с длинными обезьяньими руками примеривался раскаленными щипцами к изменнику.

– Глянь-ка сюда, милоч. Ты, часом, щекотки не боишься?

– Прочь поди! – посуровел отчего-то царь, зыркнув зло на детину потемневшими глазами.

Шарахнувшись в угол от сурового взгляда государя, палач примолк.

Государева трость уперлась в грудь изменника, как если бы хотела проделать в самом центре дыру, затем медленно поползла вверх, приподнимая подбородок.

– Вот, значит, как ты платишь за добро. И родитель твой, и дед русским государям служили, а ты вот оно как... К супостату решил податься. Ведь клятву же ты мне давал! Крест чудотворный целовал! Сколько же ты получил за свою измену?

– Питер...

– Я тебе не Питер! – зло воскликнул царь. – А самодержец всея Руси. Клятву мне давал, а сам за пятак продал!

– Государь... Петр Алексеевич... – залепетал разбитыми губами изменник, – не казни, бес попутал. Дом хотел себе построить, посулили немало.

– С кем встречался?

– Себя он не назвал, а только письмо показал от барона Кинэна.

– Как он выглядел?

– Горбоносый... Высокий такой, с узенькой поседевшей бородкой. В богатом платье, а еще шпага при нем была.

– Та-ак, – насупился царь. – Значит, из дворян. Как же ты с ним общался?

– Да он русский знает не хуже нашего, только шепелявит малость.

– О чем расспрашивал?

– О тебе, Петр Алексеевич, расспрашивал. Интересовался, когда ты отъезжаешь. И какой дорогой поедешь.

Правый уголок рта государя нервно дернулся. Рука, приподнявшаяся было для удара, застыла. Удержался государь, спрятав трость за спину.

– И что же ты ответил?

– Сказал, что скоро, а точно не знаю...

– А шпиен что?

– Велел разузнать.

– Когда договорились встретиться?

– Завтра вечером в таверне... Около пристани.

– Ага... Скажешь ему, что царь отъезжает через три дня... Морем, как и прежде было оговорено. А сейчас государь судно подбирает подходящее. Все посольство в одном не поместится. Уяснил?

– Уразумел, государь, – охотно отозвался Глебов, хмыкнув разбитым носом.

– Развяжите его, – потребовал царь.

– Убежит ведь, Петр Алексеевич, – засомневался Меншиков.

– Ежели убежит, тогда князь Ромодановский всю его семью на дыбу поднимет. Уяснил? – сурово спросил царь.

– А то как же!

– Теперь ступай. Не до тебя нынче. И еще вот что. Когда про рожу начнут спрашивать, почему разбита, скажешь, что в трактире с пьяными матросами подрался. Они это умеют!

– Обязательно скажу, государь, – произнес Степан Глебов, потирая освобожденные запястья.

Взглянув в окно на удаляющегося окольничего, государь строго наказал:

– Алексашка, глаз с него не спускай. Если уйдет, так я с тебя первого шкуру спущу. Он нам еще нужен будет.

– Не уйдет, Петр Алексеевич, – заверил Меншиков, – я за ним топтуна направил. Свое дело знает, ни на шаг не отступит. А еще у самого дома его караулят.

– Наказ мой выполнил?

– Исполнил, государь, – почти обиделся Меншиков. – И ростом, и ликом на тебя похож, вот только приодеть бы его надо, тогда и не отличишь.

– Так в чем же дело?

– Так ведь, стервец, никак не желает с усищами расхаживать!

– Не скупись! Денег добавь. Золотишка ему отсыплешь поболее, так он и чугунок на голову наденет.

– Сделаю, государь.

* * *

Графиня Корф сладко потянулась. Рядышком, слегка запрокинув голову, посапывал Август II. Воспоминания о прошедшей ночи невольно вызвали удовлетворенную улыбку. Что бы ни говорили об Августе II, но он все-таки замечательный любовник! Неудивительно, что у него такое огромное количество женщин. Достаточно провести с ним наедине пару часов, чтобы запомнить навсегда!

Манерой любить он чем-то напоминал Луизе Петра. Правда, русский царь проводил адюльтер торопливо, часто даже не снимая шпаги и ботфорт, как если бы опасался, что вездесущая челядь не даст ему довершить начатое.

Август II, напротив, никуда не торопился. Порой возникало впечатление, что остроумная беседа занимает его куда больше, чем плотское вожделение. И только когда наконец после душевных разговоров они добирались до постели, Август доказывал, на что способен настоящий мужчина.

Графиня Корф называла себя собирательницей королевских сердец. Она сумела побывать в постели у половины европейских властителей. Интересно, найдется ли в Европе еще одна такая дама? И счастливо улыбнувшись, сделала вывод: пожалуй, что нет. Для этого, кроме очаровательной внешности, важно иметь немало талантов.

Кто бы мог подумать, что обыкновенная дочь служанки из провинциального города будет когда-нибудь иметь титул графини, лежать на шелковых простынях в объятиях королей, оставаться весьма независимой и обеспеченной особой.

Август открыл глаза.

– Разве вы не спите, графиня?

Интересная особенность: даже после страстных ночей любви Август продолжал обращаться к своим возлюбленным на «вы».

– Нет, мой король, я люблюсь вами.

– Мне это лестно слышать. Но право, по утрам я не в форме.

– Наоборот, вам очень к лицу утренний румянец.

– Надеюсь, прошедшей ночью я не разочаровал вас, графиня?

– О, что вы, мой король! Вы ненасытный и желанный любовник. Ничего подобного я не испытывала прежде, – голос графини был очень располагающим и искренним.

Уголки губ Августа чуть поползли вверх:

– Признаюсь, графиня, я старался. Вы и вправду меня любите?

– Разве можно не любить вас?

– Как далеко вы можете пойти ради любви?

Даже всемогущие короли нуждаются в любезности.

– Моя любовь к вам не знает границ, – без тени смущения отвечала Луиза.

Все мужчины одинаково падки на лесть: от простого конюха до венценосного короля.

– Ваше самопожертвование похвально, графиня, но я хотел попросить вас всего лишь об одном: быть как можно ближе к русскому царю.

И он туда же!

– В прошлый раз я подумала, что это была всего лишь невинная шутка.

– О нет, графиня! Это был четко продуманный план, за который последует щедрое вознаграждение. Так вы мне обещаете?

– Я сделаю все возможное, чтобы угодить вам. Но я слышала о том, что ему угрожает опасность.

– Вот как. И от кого же?

– Не пытайте меня, король, – мило улыбнулась графиня. – Могут же у женщин быть свои маленькие секреты?

– Разумеется. Мы попробуем уберечь его от неприятностей.

* * *

Еще через два часа Август проводил графиню через потайной ход, которым пользовался для тайных свиданий. Оставшись один, он позвонил в колокольчик. Дверь из соседней комнаты распахнулась, и в королевские покои вошел невероятно худой человек.

– Вы знаете, где сейчас находится русский царь?

– Да, мой король.

– Мне не удалось вывести мою гостью на откровенность. Но не выкручивать же ей руки!

– Вы всегда ценили женщин, ваше величество. Даже самых худших из них.

– Не преувеличивайте, – слегка смутившись, отвечал Август, – я не столь великодушен, но дело не в этом. Она призналась, – победно продолжал король, – что русскому царю действительно угрожает серьезная опасность. Я его должник. Постарайтесь отвести от него беду. Но делать это следует очень тонко. Мне бы не хотелось осложнений с соседями.

– Я вас понял, ваше величество.

– И еще... Пригласите его в Варшаву!

Глава 3

ГОНИ ИХ К ЛЕШЕМУ!

Петр Алексеевич проснулся рано. Пять часов утра, а он уже на ногах. Набросив на плечи короткий халат, едва прикрывавший голые ноги, и натянув на голову свой любимый вязанный колпак, он громко прокричал:

– Никола! Мать твою! Где тебя носит?! Государь твой уже поднялся, а ты еще дрыхнешь без задних ног!

Подобная история повторялась едва ли не изо дня в день, а потому секретарь Николай Макаров обычно терпеливо топтался у дверей, дожидаясь пробуждения государя. Предупредительно и негромко стучал в приоткрытую дверь и, не спросив разрешения, смело перешагивал царские покои.

Петр Алексеевич огромными шагами нетерпеливо мерил покои, дожидаясь секретаря. Высоченный, едва ли не под самый потолок, с непомерно тощими ногами, со свесившимся на плечо ночным колпаком он чем-то напомнил Макарову цаплю. И секретарь всякий раз едва сдерживал улыбку, глядя на вышагивающего самодержца.

– Что там у тебя? – нетерпеливо спросил Петр Алексеевич, глянув на вошедшего Макарова.

– Сегодня у тебя, государь...

– Не государь, а бомбардир Петр Михайлов, – сдержанно поправил Петр Алексеевич.

Вчера утром царь отдубасил Алексашку Меншикова за то, что тот прилюдно назвал его государем (для всего окружения Петр Алексеевич продолжал оставаться бомбардиром Михайловым), так что следовало быть поосмотрительнее.

Невольно скосив взгляд на толстую дубину, стоявшую в самом углу комнаты, Макаров продолжил:

– Сегодня у тебя, бомбардир, встреча с английским послом.

Развернувшись, Петр Алексеевич удивленно буркнул:

– А чего это ему нужно от обычного бомбардира?

– Э-э... Наверняка он перепутал тебя, бомбардир Петр, с каким-то важным лицом.

– Ну ежели так, – смиренно согласился Петр Алексеевич, – придется уважить.

Заглянув в бумаги, Макаров продолжил:

– В десять часов должны прийти пиротехники.

– А это еще зачем? – подивился Петр.

– Так ты же, бомбардир, хотел устроить фейерверк, какой в Пруссии никогда не видели, и даже собирался пригласить на него всех иноземных послов.

Лицо Петра Алексеевича приняло задумчивое выражение:

– Чего только не наговоришь спяну, а потом расхлебывай! Много ли их прибудет?

Почесав пером макушку, секретарь отвечал:

– Да почитай две дюжины наберется.

– Многовато, – озадаченно протянул царь.

– Ты еще хвастал, Петр Алексеевич, что твои фейерверки лучше заморских. Вот они и придут посмотреть на твои дела. – Пожав плечами, Макаров добавил: – А еще грозил дубиной проучить кто идти не захочет.

Махнув рукой, государь изрек:

– Придумаем что-нибудь. Еще чего?

Петр Алексеевич вновь зашагал, и половицы под его размеренными шагами тонко и торжественно поскрипывали.

– В двенадцать часов у вас встреча с прусскими купцами.

– Сколько их?
– Полсотни наберется.
– Чего им надобно от Петра Михайлова?
– Петр Алексеевич, им раньше других ведомо, что ты царь. И вот хотят просить тебя беспощинно торговать с Россией.

Отмахнувшись, Петр Алексеевич произнес:

– Ишь чего удумали! Гони их к лешему! Все дармовщиной хотят полакомиться, а казне от того убыток, а потом, бомбардиру Михайлову такие вопросы не решать. Чего там далее?

– Вчера стольника Ермолая Васильчикова задержала городская стража.

– За что?

– Пьян был, к девкам приставал.

– Как узнали?

– Он не один был, а с двумя товарищами. Вот те убежали, а он не сумел, уж больно хмельной был.

– Ну и дурень! Пускай посидит, авось поумнеет. Подержат, да и отпустят, не велик грех. Если каждого мужика задерживать за то, что бабам под юбку посмотрел, так все темницы переполнены будут. Что еще?

– Ночью драка в таверне случилась. Наша челядь с голландскими моряками подралась.

– И кто кого? – поинтересовался государь.

– Наша челядь голландских моряков побила. Тех числом поболее было. Но ничего, устояли. Да и как не устоять, если с ними Игнат с Поварской слободы! А он в кулачном бою силен!

– Выпороть бы их надо за своеволие, – призадумался государь. – Значит, ты говоришь, голландцев поболее было?

– Да раза в два, – охотно подхватил Макаров.

– Дашь им полсотни талеров, пусть раны свои залечат. Далее чего?

– Получено письмо от саксонского курфюрста.

– Когда? – встрепенулся Петр Алексеевич.

– Два часа назад.

– Почему раньше не передал?

– Уж больно крепко спал ты, Петр Алексеевич. Курьер постоял под дверями да и мне письмо оставил.

– А на словах что сказал?

– На словах велел передать, что благодарит тебя за помощь, клянется в вечной дружбе. Неделию назад курфюрст прибыл в сопровождении саксонского отряда в Польшу, – живо отвечал секретарь, протянув Петру Алексеевичу туго перетянутую грамоту, скрепленную сургучной печатью. – И уже принял католичество и короновался в польские короли под именем Августа Второго.

Заложив руки за спину, Петр Алексеевич зашагал вновь. Походка у него была стремительной. Каждый раз Макарову казалось, что государь не рассчитает расстояния и ударится головой в стену. Но царь неизменно резко разворачивался и столь же стремительно направлялся в противоположную сторону.

Знай о подобной привычке Петра Алексеевича Фридрих Третий, приготовил бы для него помещение попросторнее.

– Как там Луиза, разыскали?

Петр Алексеевич остановился напротив секретаря, сверля его колючим взглядом. Под пристальным взором государя секретарь, и без того небольшого росточка, казалось, усох еще больше. Следовало не разочаровать царя и подобрать подходящие слова, чтобы не накликать на себя беспричинный гнев. По тому, с каким вниманием ждал ответа Петр, можно было поду-

мать, что внешняя политика его интересует куда меньше, чем исчезнувшая женщина. Оставалось только гадать, что же заставляет сходить с ума российского государя. Не ошибиться бы...

Макаров невольно покосился на дубинку, стоящую в самом углу комнаты. Заслуженное оружие – не один боярский лоб ею разбит. А сейчас будто в наказание за какую-то шалость стоит в самом углу комнаты и выглядит вполне мирно.

Не прогневался бы царь на правду. Вдохнув глубоко, Макаров отвечал, припустив в голос скорбь:

– Здесь она, бомбардир. Вот только теперича не Луиза, а графиня Литке. Поговаривают, что была полюбовницей самого шведского короля.

– Где она сейчас?

– Не ведаю...

– Отыщи ее!

– Сделаю все возможное!

Глава 4

ВОЙНА С РУССКИМИ УЖЕ ИДЕТ

Пожар, случившийся несколько месяцев назад в королевском дворце, практически полностью его уничтожил, оставив только северную часть, совершенно непригодную для жилья. У Карла XII под Стокгольмом оставалось еще десятка полтора резиденций, где он мог ждать восстановления дворца, пользуясь при этом всеми благами цивилизации. Однако король предпочел переехать в отдаленный замок Олавинлинна, расположенный на скалистом острове между озерами Хаапавеси и Пихлаявеси. Впрочем, в этом тоже не было ничего удивительного. Король считал себя прямым наследником шведских рыцарей, а потому большую часть времени проводил в средневековых замках.

Замок впечатлял своими размерами: он имел три гигантские башни, соединенные между собой толстыми стенами. Первая башня была Пороховой. Самая высокая именовалась Колокольной, получившей свое название по церковным колоколам, установленным под крышей из темно-коричневой черепицы; здесь же размещались огромные замковые часы. На втором этаже башни располагался каземат с амбразурами для пушек, на другом находились казармы. Третья башня называлась Церковной; тут же размещалась замковая церковь. Третий этаж башни был жилым, а на одной из стен сохранился герб основателя замка – Эрика Тотта.

В замке была и своя темница, в которую помещались государственные преступники. Вход в нее начинался с небольшой пристройки в Церковной башне.

Два года назад король распорядился провести реконструкцию темницы: подвалы значительно углубили, расширили помещения. В результате проведенных работ в толстых стенах башни вскрылось несколько ниш, в которых обнаружили закованные в кандалы скелеты. Поговаривали, что это были политические противники шведских королей.

Граф Грип Йонссон всякий раз украдкой крестился, проходя мимо замковой темницы. Его предки, обладая немалым политическим влиянием и богатством, имели привычку перечить королям. Впоследствии некоторые из них бесследно исчезали из родовых замков, других, заковав в железо, отвозили навечно в казематы. Не исключено, что некоторые скелеты принадлежали его славным предкам. Поначалу граф даже хотел предложить Карлу похоронить останки с надлежащим уважением, но раздумал, опасаясь, что молодой король может счесть его просьбу вызовом верховной власти.

С высоты бастиона озеро Хаапавеси просматривалось до противоположного берега. Погода была безветренной. Тишь стояла такая, что начинала давить на уши. Карл, заложив руки за спину, шагал вдоль парапета бастиона. Иногда он останавливался, но только для того, чтобы взглянуть на зеркальную гладь воды. Лицо его в этот момент от чего-то напрягалось, становилось более суровым. Граф очень хотел бы знать, о чем думает король в такие минуты.

Может быть, он размышляет о том, что замок был построен на границе с Россией, и русские до сих пор считают, что оконечность, на которой находится крепость, на пять верст уходит в глубину их территорий. До этого они делали три безуспешные попытки отбить замок. Что случится на сей раз?

Как бы там ни было, но твердыни в предстоящей войне будет отведена особая роль.

Неожиданно Карл XII повернулся к сопровождавшему его графу.

– Как обстоят дела с русским царем?

– Сейчас он путешествует по Германии. Миновал Берлин, Бранденбург, Гольберштадт, ненадолго остановился у заводов Ильзенбурга.

Губы Карла разошлись в улыбке. В минуты душевного покоя он был очень снисходителен:

– А русский царь необыкновенно пытлив. И что же он хотел там увидеть? Как выплавляется чугун?

– Да, ваше величество. Он познакомился с технологией выпуска чугуна, затем с варкой железа в горшках, ковкой ружейных стволов, а также с производством пистолетов и сабель. В Германии он оставил нескольких дворян, чтобы они обучились всему, что знают в артиллерийском ремесле пруссаки.

Карл XII подошел к пушке и сильными гибкими пальцами погладил ее чугунный бок.

– Этого следовало ожидать. Когда русские начнут выплавлять свой чугун, они станут нашими главными военными противниками в Европе. Хотя сейчас их тоже не стоит недооценивать. Наверняка царь занимается вербовкой специалистов для службы в России.

– Именно так, ваше величество, – охотно отвечал Йонссон.

– Кого именно царь набирает к себе на службу?

– В основном мастеровых и военных. Но по нашим данным, до войны с русскими еще далеко...

– Послушайте, любезный мой граф, – неожиданно холодным тоном прервал Карл. – Война с русскими уже давно идет. Просто в настоящее время она пока носит скрытый характер. И мы должны это учитывать... Царь не начнет боевых действий, пока не накопит должного опыта. Но как только этот опыт появится, крепость, где мы сейчас с вами находимся, станет яблоком раздора.

– Но нужны соответствующие причины...

– Люди ведут столетние войны, не имея на то серьезных оснований, а в нашем случае все гораздо проще. Мне и моему народу тесно на тех землях, которые отведены нам богом и соседями, и я бы хотел расширить свои владения. А русский царь желает вырваться к морю, и я невольно нахожусь на его пути. Причины же могут быть разными. Вот эта крепость, кстати, действительно находится на территории России, а мне бы очень не хотелось отдавать ее русским. Вы понимаете меня, граф?

– Более чем кто-либо, – тотчас отозвался Йонссон.

– Потом, причиной может быть даже несварение желудка... Например моего.

Граф натянуто рассмеялся. Когда короли шутят, подданным полагается веселиться вместе с ними. Однако Карл оставался серьезен.

– Вы можете мне сказать, граф, сколько примерно человек царь отобрал для службы в России?

– В настоящее время их около трехсот. Но будет значительно больше, потому что вербовка идет весьма активно. Петр предполагает увеличить общее число до тысячи.

– Чем же заманивает их русский царь?

– Им всем предлагают большое жалованье. После трех лет службы в России домой вернутся настоящими богачами.

Король выглядел слегка озадаченным:

– Неужели они все большие специалисты?

Поначалу графа так же поражала быстрота, с которой русский царь набирал военных специалистов. Невольно напрашивалась мысль: если так дела будут продвигаться и дальше, то лучшие силы Европы уже в ближайший месяц перекочат в Россию.

Две недели назад граф Йонссон дал задание своим агентам выяснить, настолько ли они хороши, как представляются русским вербовщикам? И не далее как вчера вечером получил подробный отчет.

Граф Йонссон даже не пытался скрыть довольной улыбки.

– Среди завербованных и правда имеются знатоки своего дела: корабельщики, капитаны, лекари, пушкари. Есть даже один французский повар. Очень удачное приобретение русских, на мой взгляд, – прусский генерал-майор Остерман, голландский контр-адмирал Крюйс, полководец Карл Евгений де Круа.

– Ого! – невольно вырвалось у короля. – Кажется, он прослужил пятнадцать лет в войсках германского императора и даже получил чин генерал-фельдмаршала.

– Именно так, ваше величество. Петр лично завербовал к себе на службу искусного боцмана, норвежца Корнелиуса Крюи, обещав произвести в адмиралы, как только будет выстроен флот.

– Русский царь умеет быть щедрым, – усмехнулся Карл.

– О да! Но таких меньшинство... Большинство людей, нанятых царем Петром, весьма невысокой квалификации. Многие считают его большим недотепой и просто позарились на легкий заработок. Немало среди них мошенников, пройдох и прочих проходимцев. Так что русскому царю с ними придется еще изрядно повозиться.

– Что ж, вы сообщили мне весьма обнадеживающие новости. Значит, все эти пройдохи и проходимцы – наши друзья? К ним следует присмотреться получше, они могут быть весьма ценным источником сведений.

– Все они записаны, ваше величество. Их передвижение по России будут отслеживать наши агенты.

– Вот и отлично.

Карл внезапно умолк. Некоторое время всматривался в гранитные скалы противоположного берега, размышляя о своем. Незаметно поднимался ветер. Потрепав траву, пробивавшуюся среди валунов, он достиг фортеции, на которой стоял король с графом, и, побаловавшись кудрями их париков, утих.

– Займитесь вот чем: под видом специалистов постарайтесь подсунуть Петру наших самых проверенных агентов. Мы должны знать, что творится в стане русских... Даже если Петр и не вернется из этого посольства, русские не станут нашими друзьями.

– Будет сделано, ваше величество. У нас найдется немало генералов, которые захотели бы послужить родине именно таким образом. Они очень заинтересуют русского царя.

– Прежде я должен лично переговорить с каждым из них. Пусть знают, насколько я ценю предстоящую службу. У меня к вам есть еще один небольшой разговор. Давайте спустимся вниз.

Граф Йонссон насторожился. Придворный опыт подсказывал ему, что к учтивости королей следует относиться очень внимательно. На своем веку он помнил немало случаев, когда немилость начиналась именно с предупредительности. Некоторые из вельмож впоследствии сгинули в темнице замка...

– С удовольствием, ваше величество, – как можно безмятежнее произнес граф, стараясь стряхнуть страх, который тяжелым грузом уже наваливался на плечи. Он очень надеялся, что Карл не заметил его состояния.

По узкой гранитной лестнице они спустились с бастioned на первый этаж башни. Королевские гвардейцы, несущие караул в коридорах крепости, невольно вытягивались, когда Карл проходил мимо. Король, энергично размахивая руками, вышагивал по холодным помещениям первого этажа, увлекая за собой графа. Не оглядываясь, Карл миновал спрятанный в стене выход, который уводил за территорию замка; затем столь же стремительно прошел мимо высокой дубовой двери. За ней находился узкий коридор, соединяющий комнаты замка со двором крепости. Граф Йонссон невольно проглотил горький ком, подступивший к горлу: самые худшие опасения начинали оправдываться – впереди была всего лишь одна дверь...

И она уводила в подвал темницы.

У проема Карл остановился, чтобы посмотреть на приотставшего Йонссона, и с учтивой улыбкой последовал дальше, как если бы приглашал графа в увлекательнейшее путешествие.

Лестница, уводившая в темницу, была необыкновенно крутой, с высокими ступенями из цельного темно-серого гранита. На стенах в металлических конусах полыхали огромные факелы, небрежно отбрасывая клочья сажи к высокому сводчатому потолку. Сырость казалась

необыкновенно плотной и очень тягучей, – бесцеремонно заползала за воротник, забредала за камзол, норвила угнездиться в сапогах.

Граф невольно поежился, стараясь сбросить наваждение. Король, привычный к невзгодам, не замечал ни копоты, падающей на букли парика, ни запаха застоявшейся плесени.

Лестница привела в огромное помещение, разделенное высокими решетками. Навстречу королю шагнул комендант крепости, двадцатилетний капитан Фредерик.

– Вы готовы, комендант?

– Да, ваше величество, – отвечал Фредерик. – Разрешите вас проводить.

Худшие опасения оправдывались. Неужели король за что-то прогневался на своего верного слугу и решил, что остаток дней тот должен провести под неусыпным надзором королевской стражи?

Грип Йонссон старался выглядеть равнодушным, что давалось лишь благодаря невероятной мобилизации всех душевных сил. Лицевой нерв непроизвольно дрогнул, приподняв правый уголок рта.

– Сделайте мне такую любезность, – охотно согласился король, последовав за комендантом замка.

Капитан Фредерик был прусского происхождения, но уже более ста лет его предки достойно служили шведской короне, добившись величайшей благосклонности монархов. Именно по этой причине Карл XII доверил Фредерику, несмотря на значительную молодость, одну из своих ключевых крепостей.

Страж, стоявший у решетки, расторопно распахнул небольшую дверцу, пропуская вельмож в глубину каземата. Король прошел первым, за ним, несколько нерешительно, ступил граф, и по-хозяйски, стукнув слегка по решетке ладонью, капитан Фредерик.

По стенам и потолку неприглядными лохмотьями свисал темный пористый мох, делая помещение еще более зловещим.

Прежний комендант крепости капитан Кольер, прослуживший в замке более пятнадцати лет, в позапрошлом году был отправлен в отставку по причине психического недуга. Поговаривали, что ему повсюду виделись души непогребенных людей. В последний год он почти лишился рассудка и когда отправлялся на ночлег, то всякий раз брал с собой дюжину ружей и палил из них, слышав подозрительный шорох.

У нынешнего коменданта замка нервы оказались более крепкими. По тому, как он себя вел, было видно, что со всякой нечистью он находился едва ли не в приятельских отношениях.

Прежде графу Йонссону не приходилось так глубоко спускаться в темницу. Теперь он видел, что она почти бездонна. По обе стороны длинного коридора располагались узенькие закутки, отгороженные толстыми решетками. За ними, позвякивая тяжелыми цепями, просматривались силуэты узников в ветхих отрепьях, едва скрывающих тощие, почерневшие от грязи и сажи тела. Пахло застоявшимися нечистотами. Граф Йонссон несколько раз ловил себя на мысли, что ему хочется перекреститься, глядя на эти жалкие человеческие фигуры. Но он опускал руку вниз, наталкиваясь взором на непроницаемое лицо короля.

В подавляющем большинстве узники являлись государственными преступниками. Трудно было предположить, что в иные времена едва ли не каждый из них был обласкан с рождения, окружен заботой слуг и домочадцев, а повзрослев, получал немалую власть. От прежнего величия оставались лохмотья некогда дорогих одежд.

Откуда-то из глубины казематов раздался пронзительный крик. Видимо, еще одна душа обрела успокоение. Графа Йонссона бросало в лютый холод только от одной мысли, что на месте одного из них может оказаться он сам.

Скоро они пришли в небольшое помещение, ярко освещенное факелами. Развернувшись к графу Йонссону, король спросил:

– Граф, вы знаете, почему я привел вас сюда?

Йонссон осмотрелся. У самой стены лежали носилки, на которых под плотным белым покрывалом угадывалось очертание какой-то тщедушной фигуры.

– Нет, ваше величество.

– Я так и думал... Вы знаете, что мы проводим здесь реконструкцию?

– Да, я слышал.

– Так вот, во время реконструкции в одной из каменных ниш мы обнаружили останки замурованного в стену человека. На нем была богатая одежда, пояс с золотой пряжкой, а на ней выбит герб вашего рода. Этот человек из вашей семьи, господин Йонссон, – тихо заключил король. – Я попытался отыскать записи, но они не сохранились. Поэтому я даже не знаю, кто именно находится под этим покрывалом. Может быть, вам известно, кто этот человек?

Граф сглотнул подступивший к горлу ком. Не следует показывать королю свою слабость. Он подошел поближе и увидел, как из-под покрывала выглядывают истлевшие кожаные туфли. На узком узорчатом ремешочке крепилась огромная золотая пряжка, на которой был выбит фамильный герб: широкий равновеликий крест, ниже которого чуть наклоненно размещался меч с оплетавшей рукоять распустившейся розой. А над перекладиной виден девиз: «Моя сила – в моей чести». Именно такую пряжку граф не однажды рассматривал на портрете своего прапрадеда, вывешенном в родовом замке.

В какой-то момент Йонссон едва не поддался соблазну тут же убедиться в своей догадке. Он даже сделал два крохотных шага, чтобы приподнять простыню, скрывавшую лик покойника. Но вовремя остановился, заметив недоуменный взгляд короля, обращенный в его сторону.

Вряд ли высохший череп мертвеца будет схож с тучным и жизнерадостным графом Стеном Стуре, каким тот запомнился современникам при жизни.

– Кажется, я догадываюсь, кто этот человек, – произнес Йонссон заметно осипшим голосом.

– Вот как! И кто же он?

– Это мой прапрадед граф Стен Стуре.

Граф Стен Стуре принадлежал к древнейшему аристократическому роду, что не помешало ему стать одним из богатейших людей своего времени. Некогда он состоял на службе короля Магнуса Эрикссона и был весьма влиятельным человеком в Швеции, настолько, что в зависимость к нему угодил даже король, которому он постоянно давал деньги в долг. Когда же приходило время расчета, так Магнус Эрикссон просто расплачивался с графом королевскими угодьями. В результате чего едва ли не половина земель Швеции стала принадлежать предприимчивому рыцарю.

Уж не это ли обстоятельство стало причиной его смерти?

Во всяком случае, рыцарь пропал сразу после того, как посетил королевский дворец в Стокгольме. И его исчезновение в свое время было одной из самых больших тайн в Швеции.

Король Магнус Эрикссон пожелал лично возглавить расследование, но следы рыцаря затерялись. Прошло немало времени, прежде чем родственники объявили его умершим. Вот тогда и начались многочисленные распри за его великое наследство, причем значительная часть земель вновь отошла королевской семье.

Но кто бы мог подумать, что тайна великого рыцаря графа Стена Стуре прячется в стенах замка Олавинлинна! Поговаривали, что король за долги должен был отдать символ своей власти – дворец в Стокгольме. Не желая смириться с возможной утратой, он просто устранил неудобного ему займодавца.

– Ах вот как! – невольно вырвалось восклицание у Карла XII. – Вот, значит, где пришлось упокоиться славному графу Стену Стуре. Какая ужасная смерть! Он был едва ли не единственным человеком, который мог поспорить с самим королем. И у него были для этого основания!

Взгляд графа Грипа Йонссона скользнул по тесаным блокам и уперся в шероховатую гранитную поверхность, из которой торчало два огромных гвоздя. Внизу – побитая гранитная крошка. Немые свидетели гибели его предка.

– Теперь мы понимаем, чем заканчиваются подобные споры, – отважился на колкость Грип Йонссон.

– Он был достойным рыцарем, – беспристрастно продолжал король. – Ваш род всегда беззаветно служил шведским королям. Если и были какие-то разногласия между славным рыцарем и королем Магнусом Эрикссоном, то они уже давно решили их на небесах. Смерть примирила и правых и виноватых. Они, как и прежде, находятся за одним столом. А я лично ничего не имею к вашим предкам. – Губы Карла дрогнули в печальной улыбке. – Так что заберите его и похороните достойно в семейной усыпальнице, как и подобает человеку его звания.

– Спасибо, – голос графа слегка дрогнул, выдавая подступившее волнение. – Но у меня еще есть к вам просьба, ваше величество.

– Если это в моих силах, то я постараюсь ее исполнить. Так что вы хотите?

– Мне бы хотелось получить те кандалы, которые были на его запястьях.

– Хм... Для чего они вам?

– Они станут семейной реликвией, послужат предостережением для следующих поколений.

– Ваше желание будет исполнено. У меня никогда не возникало повода сомневаться в вашей мудрости.

– Ваше величество, разрешите мне заняться приготовлениями к погребению.

– Делайте все, что считаете нужным, – ответил король.

Заложив руки за спину, Карл заторопился к выходу.

Глава 5

ОТВОРЯЙ, ЦАРЕВНА СОФЬЯ У ВОРОТ!

Возвратившись в Москву, Федор Юрьевич с воодушевлением взялся за государственные дела. Первое, что предстояло сделать, так это пополнить регулярную армию. В грамоте, писанной от имени Петра Алексеевича, он повелел с каждого села забирать в рекруты пяток молодцов, и уже днем позже посыльные разлетелись по ближним и дальним землям для сбора военного налога. В первую же неделю в Преображенское привели два полка новобранцев, оторванных от сохи. Прельстившись на государево жалованье, куда вместе с харчами входила и бутылка водки, они охотно подставляли для брития косматые лбы. Цирюльники в последующие дни не ведали покоя. Набравшись терпения и вооружившись складными лезвиями, они ловко брили крутые лбы рекрутам, а полковой старшина, стоявший подле брадобреев с ковшом в руках, щедро черпал пиво из огромной бочки и угощал новобранцев во крещении.

Каждый из них через несколько лет уже видел себя унтер-офицером, жалованье коих должно было быть не в пример больше прежнего, а потому военное учение все воспринимали с большой охотой и так горланили походные песни, что в близлежащих домах вылетали стекла.

Но пуще всего рекрутам нравилась пальба, и старшины, не скупясь, сыпали порох в фитильные замки ружий.

С утра до вечера за Преображенским селом стоял невероятный грохот. Дым обволакивал избы и огороды, и если бы не знать того, что идут учения, можно было бы предположить, что ворог подобрался к самой Москве.

* * *

Поутру, продравшись сквозь густой дым, больше смахивающий на плотный туман, ко двору князя Ромодановского в сопровождении конных стрельцов из Михайловского полка подкатила золоченая карета. Начальник стражи, большебородый, крепкого вида детина, уверенно шагнул навстречу, преграждая бердышом дорогу.

– Стой, окаянные! – прикрикнул он на возницу. – Не ведаешь, куда катишь?! Дворец князя Ромодановского! – И тотчас растерянно застыл, углядев в окне кареты царевну Софью Алексеевну.

А стрелецкий сотник, гарцуя на белом жеребце, уже напирал:

– Отворяй ворота! Царевна Софья Алексеевна у порога.

Виданное ли дело, сама царевна в гости к Ромодановскому пожаловала!

Справившись с накотившим замешательством, княжеская стража в едином порыве поскидала с кудлатых голов шапки и, не жалея горделивых спин, принялась отвешивать поклоны.

Первым опомнился начальник стражи. Пробившись вперед, он для важности припустил в голос малость строгости и объявил:

– Не положено без доклада!

Стрелецкий голова, слегка хлопнув плетью по голенищу, отвечал столь же сурово:

– С каких это пор царевна должна комнатным стольникам докладывать! Сказано отворяй ворота!

Поклоны отбиты, причитающаяся честь отдана, а теперь и о службе можно подумать. Разогнулась княжеская стража и, натянув шапки на самые уши, встала полукругом, как если бы собралась отражать натиск.

– Не велено пускать. Нынче Федор Юрьевич Ромодановский на Руси за хозяина. Ты уж меня извини, голова.

– Это что же... Царевне от ворот указываешь?

– А по мне все едино, что царевна, а что баба с базара... Чего же мне понапрасну-то под плеть ложиться?

Стрелецкий голова взмахнул было плетью, чтобы проучить нерадивого за дерзость, как из глубины двора прозвучал громогласный оклик:

– Что за раздор?!

С крыльца в долгополом охабне навстречу прибывшим гостям сходил князь Ромодановский.

– Царевна Софья Алексеевна прибыла, – смиренно отвечал начальник стражи, повинившись.

– Открывай ворота! – распорядился князь. – Кто же это государыню у порога держит!

Трехстворчатые ворота, неприветливо и протяжно проскрипев петлями, сложились в гармошку. Стража почтительно разомкнулась, освобождая дорогу, и карета, запряженная резвыми жеребцами, лихо вкатилась в большой княжеский двор.

Расторопные рынды распахнули дверцу кареты.

– Пожалте, государыня!

Взявшись за поручень, Софья Алексеевна шагнула к дверному проему. Терпеливо повременила, покуда стража не поправит лестницу, подставленную к самым ногам, а затем, будто бы пробуя на крепость, сделала первый шагок. И далее, поддерживаемая под руки неведомо откуда повыскакивающими мамками, храня степенность, сошла на землю.

Приподняв подбородок, царевна посмотрела поверх склоненных голов.

– Здравствуй, государыня, – ударил большой поклон князь Ромодановский.

В ответ лишь сдержанный кивок, определивший князя Ромодановского в вереницу холопов.

– Здравствуй, Федор Юрьевич.

– Нужда какая привела, Софья Алексеевна, или восхотела глянуть, как житьествую? – осмелился спросить Федор Юрьевич.

– Решила полюбопытствовать, князь. В народе глаголят, что ты в своем доме дыбу держишь да кнутом кандальников калечишь.

С лица Ромодановского пропала улыбка. Но отвечал он спокойно, слегка покачав головой:

– Наотмашь бьешь, государыня. Знаешь ведь, что не могу тебе дерзостью ответить.

– Ну коли так, пойдем тогда в дом. А то я ведь ненароком подумала, что ты меня на дыбе растянуть можешь, уж больно неприветливо твоя челядь меня встречает. Чего, мамки, приуныли? Ведите меня к Федору Юрьевичу.

Позабыв про дедовские традиции, царевна Софья Алексеевна в последние годы разъезжала часто в открытой карете, без сопровождения мамок и боярышень, выставя напоказ неприкрытое лицо. Реже ее можно было увидеть в компании князя Василия Голицына с эскортом стрельцов из Михайловского полка. И вот сейчас, будто бы вспомнив о дедовских заповедях, она заявила во двор князя с полусотней боярынь и мамок, тотчас заполнивших княжеский двор. Ее появление в столь пышном сопровождении всякому давало понять, что своему выходу к Федору Ромодановскому она придает особое значение.

Боярыни последовали за царевной. Остановились ненадолго перед Красным крыльцом, когда государыня изволила передохнуть. Преодолевая ступеньку за ступенькой, взобрались на самый верх, сбившись гуртом перед высокими дверями.

Повернувшись к мамкам, царевна произнесла:

– Вот что, боярыни... Мне с князем потолковать нужно. Подождите меня в сенях.

Стража, потеснившись, распахнула двери, и Софья Алексеевна величаво перекатила тучное тело в боярские покои.

– Присаживайся, царевна, ведь не у порога же нам толковать.

Грузная, с одутловатым лицом, Софья Алексеевна походила на Петра разве что взглядом, столь же пронзительным и колючим. Под его тяжестью невольно хотелось бухнуться в ноги государыни. Крякнув, князь Ромодановский удержался от соблазна. Не по чину! В отсутствие Петра Алексеевича на земле русской он за хозяина!

Некоторое время они просто смотрели друг на друга, отмечая изменения во внешности, произошедшие со дня их последней встречи. За прошедший год они виделись только однажды, и князь с некоторым удивлением обнаружил, что Софья Алексеевна заметно располнела, а кожа на скулах слегка отвисла, состарив ее на несколько дополнительных лет. Да и сама царевна взирала на стольника с таким нескрываемым интересом, как если бы в его облике произошли изрядные перемены. Но князь Федор Юрьевич был уверен, что в действительности это не так. Лично для него прошедший год оказался весьма благоприятным. Если и вкралась в густую шевелюру пара седых волос, так это по недоразумению.

А потому взгляд царевны он принимал спокойно, с затаенным превосходством. Пора бы и слово молвить, а Софья Алексеевна все в гляделки играет. По сытому лицу Федора Юрьевича промелькнула лукавая улыбка: «Не пересмотришь, государыня!»

– И каково тебе? – наконец разомкнула уста царевна.

Низкий голос государыни под сводами палат приобрел мощь, заворожил.

– О чем ты, государыня? – спокойно отозвался князь Ромодановский.

– Каково тебе на Руси?.. В отсутствие государя?

Брови Федора Юрьевича негодуяще изогнулись, переносицу, поросшую густыми черными волосами, резанула глубокая морщина – не с того следовало бы заводить разговор. Это не баловство – государево бремя на себя взваливать.

Подбоченился малость князь, выправил осанку и отвечал достойно, как и подобает хозяину:

– Видно, не нашлось лучшего, кому следовало бы царство оставить.

– Вон как ты заговорил, Федор Юрьевич, – покачала головой царевна. – Узнаю строптивый род Ромодановских. Вот потому выше стольников никто из вас не выбился. Вам бы голову склонить, когда надобно, а вы все норы свой стремитесь показать.

Князь Ромодановский только плечами повел: чего же отвечать на напраслину?

Не дождавшись ответа, Софья Алексеевна продолжала выговаривать столь же сурово:

– А царева сестра, стало быть, не в счет!

– Софья Алексеевна, не будем браниться. Не с меня спрос. Я себя на царство не ставил. Тебе у Петра Алексеевича спросить надо было бы.

Прежде у царевны были темно-каштановые волосы, прибранные в толстенную косу, но нынче из-под высокой кики не выбивалось даже случайной пряди. Поговаривают, что сила у бабы прячется именно в волосах: в девках ходила, так не одного отрока сгубила!

– А только вот что я тебе хочу сказать, князь. Помазанник божий далеко, а я здесь... рядышком! И вернется ли вообще государь из немецкой земли? Поговаривают, сгинул он!

Горло перехватило, и князь Ромодановский произнес испуганно:

– Чего же ты такое говоришь, царевна!

– А то и говорю, Федор Юрьевич. Не придет Петр! Если бы не ведала, так даже словом бы не обмолвилась.

Ужас не давал князю вымолвить ни слова, и он вытаращенными глазами немо пялился на Софью. Неужели ей известно нечто такое, чего неведомо судье Преображенского приказа? А Софья Алексеевна продолжала спокойно, как если бы речь велась о самых обыкновенных вещах.

– Вот мы сейчас с тобой беседу ведем, а Петра, быть может, и в живых-то нет.

– С чего ты такое взяла, государыня?!

– Не одна на свете живу, есть люди, в свите Петра, которые мне обязаны, – туманно произнесла Софья Алексеевна, – вот они мне и сообщают. Порешат его!

– И кто же должен... загубить государя?

– Неведомо мне. А только уж больно он ретиво за дела брался, вот и нажил себе немало врагов.

– Предупредить бы надобно Петра Алексеевича.

– Поздно, Федор Юрьевич. – Картинно перекрестившись на икону в красном углу, царевна добавила: – Коли бы раньше знать! И вот я тебя хочу спросить, князь, что ты будешь делать, ежели царство без государя останется? Или думаешь самому на столе удержаться, чтобы нами всеми помыкать?!

Голос государыни погрубел. Черные глаза подозрительно прищурились – будто бы сам Петр Алексеевич взирает. Каково тут не повиниться!

– Господь с тобой, царевна! – не на шутку перепугался Ромодановский. – У меня и в мыслях подобного не было. Все мои предки при русских царях верой и правдой служили. Мой батюшка покой твоего батюшки Алексея Михайловича охранял. И я тем же самым занимаюсь. А что до чинов... Не гонюсь я за ними. Только до комнатного стольника и дослужился. – Махнув рукой, добавил: – Да мне большего и не надо, главное – при государях быть.

– При государях хочешь быть... Будешь при государе, если меня слушать станешь! – строго заметила Софья Алексеевна. – Ежели Петра не станет, так царский стол перейдет ко мне. На моей стороне сила! А уж они смутьянов прижмут.

– И кто же на твоей стороне, царевна? – осмелился спросить Ромодановский.

– Стрелецкие полки Великого Новгорода, Пскова, Владимира, Ярославля, – уверенно принялась перечислять Софья Алексеевна, загибая пальцы. – Да и в самой Москве немало сторонников найдется. Макарьевский полк, Васильевский, Стародубский...

Князь Ромодановский невольно закусил губу. На кого же опираться царевне, как не на стрельцов? Она им вольницу обещала пуще прежней, сулила жалованье добавить. Во все времена стрелецкие полки были крепки своим бунтарством, а теперь, когда Петр Алексеевич в дальние земли отбыл, так они совсем могут из повиновения выйти.

– Это все?

Софья Алексеевна едва заметно улыбнулась:

– Нет нужды перечислять все полки, князь. Но стоит мне только подать им сигнал, как они возьмут в осаду Москву и разорят все боярские дома.

Князь Ромодановский подозревал, что так оно и случится. Видно, где-то не досмотрел. Государь ему царство доверил, а он его по миру пускает...

Хомут бы набросить на стрелецкие полки да погонять их до тех самых пор, пока наконец из них дурь не выветрится. Чего же только надо этим супостатам?! Живут позажиточнее прочих. Такой достаток, как у стрельцов, и у иных купцов не встретишь! А они все бунтуют. Земельные наделы им поотрезали, от податей освободили, едва ли не каждый лавку держит, мошну набивает как может.

А им все мало! Вот она, человеческая неблагодарность!

Федор Юрьевич как-то враз погрузнел. Руки со стола не поднять, будто бы тяжестью налились.

– А царевна Евдокия об этом ведает?

– Знает! – бодро отвечала Софья. – У нее к Петру свои притязания имеются. Поначалу она хотела подле себя его удержать, а только не получилось... Мой братец только о том и думает, как бы на бабу запрыгнуть! Почитай, ни одной девицы в Кокуе не осталось, которой бы

он под юбку не залез. Опостылел ей Петр! Чего же себя в монастыре-то хоронить при живом муже? Сызнова хочет жизнь начать. Глядишь, другого суженого отыщет.

В какой-то момент князю Ромодановскому пришла безрассудная мысль кликнуть стражу, чтобы спровадить царевну в острог. А уже утречком поговорить с ней в пыточных палатах. Брякнули металлом за дверями стрелецкие бердыши, предупреждая о неразумности спешных решений.

– И давно ты... измену надумала, Софья Алексеевна? – продолжал хмуриться князь.

Губы царевны изогнулись в некрасивой улыбке:

– Измена, говоришь... Свое забираю, то, что у меня отнято было. А вот ежели ты против меня пойдешь, тогда это измена будет! В темнице сгинешь, даже косточек от тебя не останется! А поможешь... Я добро помню. Будешь, как и прежде, главой Преображенского приказа. Что же ты молчишь, стольник?

Дыхание затруднилось. Речи у царевны были тугие, крепкие, как будто бы удавку вокруг шеи затягивала. Расстегнув ворот, Федор Юрьевич произнес:

– Только пойдет ли за тобой народ, Софья Алексеевна? Без мужа на престоле долго не усядешь. Тут опора нужна.

Откинув голову назад, Софья Алексеевна рассмеялась неожиданно звонким голосом. Шапка слегка сдвинулась, и на лоб выбилась небольшая прядь каштановых волос. Теперь государыня выглядела на редкость привлекательной. Вот оно и свершилось, колдовство!

Отсмеявшись, она отвечала серьезно:

– А только с чего это ты вдруг решил, что я одна на престоле сидеть буду? Замуж меня возьмешь? Вот тогда вместе царствовать станем. После того, как ты вытащишь из горницы дыбу с клещами. Чего замялся, стольник? Проводи царевну до ворот! И более мне не перечь... Сгною!

Федор Ромодановский поднялся. Теперь он понимал, почему Петр Алексеевич побаивался своей сестры – характером-то она, может, подтверде будет...

Огромная, как изваяние, Софья Алексеевна поплыла в сторону двери. Князь Ромодановский невольно хмыкнул: «Окажись на дороге у такой бабы, так она помнет, не заметив, и далее себе потопает».

Проводил, как и полагается, до крыльца. Невольно скривился, заметив, как к ней, проявляя завидную расторопность, подскочили боярыни с мамками.

– Вы что сомлели, нерадивые! – осерчала царевна. – У двери пристало встречать! – И, отмахнувшись от боярынь, как от навязчивых насекомых, произнесла: – Отойдите, сама спущусь. А то вашими стараниями только лоб расшибешь!

Федор Юрьевич во двор сходить не стал, так и поглядывал сверху на государыню.

Царевна уверенно спустилась с крыльца, даже не взглянув на склонившуюся челядь, направилась к карете. Кто-то из стрельцов расторопно распахнул перед ней дверцу, другой так же проворно пододвинул к ногам лестницу. Государыня, подобрав подол, взошла на ступень.

Как только ворота за отъехавшей царевной притворились, князь Федор Юрьевич подозвал начальника стражи.

– Ты про стрелецкий бунт что-нибудь слышал? – напрямик спросил он, буравя его переносицу махонькими глазками.

Таковому мужу не соврешь, разом все нутро наизнанку вывернет. Поежился начальник стражи и отвечал как есть:

– В народе разное болтают. Тут как-то я в кабаке зашел, так там стрельцы Семеновского полка сиживали. Пивом все зенки залили, за столом никого не видят, себя только и слушают. Вот они и говорили, что многие Петром недовольны, хотели бы на царском столе Софью видеть.

– Понятно, – удрученно протянул князь Ромодановский. Хлопотное это дело – на царстве сидеть, не успеешь одну беду вывести, когда уже другая внимания требует. – Жалованья тебе хватает?

Начальник стражи довольно заулыбался:

– Федор Юрьевич, благодетель ты наш! Коли не ты, так не знаю, как бы и жил! Хозяйство содержу, а оно немалое, почитай, пол-улицы будет, – не без гордости протянул старшина. – А тут еще и пиво варю, тоже достаток имею.

– Я тебе еще добавлю, – сунув руку в карман, он вытащил горсть серебра. – Держи!

– Да за что же такая награда, Федор Юрьевич? – оторопел начальник стражи, все еще не решаясь подставить ладонь.

– Держи, говорю! – прикрикнул князь.

Серебро звенящим ручейком полилось в грубоватые ладони старшины, сложенные лодочкой. Не просыпать бы!

– Знаешь, здесь сколько? – прищурился князь.

Голова взглянул на горку монет, сглотнул набежавшую слюну и отвечал сиплым голосом:

– На эти деньжища полдюжины коров купить можно.

– Верно... Половину возьми себе за верную службу...

– Благодарствую покорнейше, – склонилась коротко стриженная голова.

– ...А вот другую отдай товарищам. Пусть в кабаки походят да крамольные речи о государе-батюшке послушают. Пусть запоминают всех тех, кто о нем худое говорит. И чтобы тебе обо всем сообщали. Ну а ты уже мне все расскажешь. Уразумел?

– Как не понять, Федор Юрьевич! – охотно закивал головой старшина.

Федор Юрьевич посмотрел в сторону удаляющейся кареты. Поднятые из-под копыт коней клубы пыли не давали разглядеть сопровождение. Зависнув над самой дорогой, пыль медленно оседала, освобождая для обозрения поначалу всадников, а потом коней. Далее дорога скатывалась под горку. Через какую-то минуту и карета пропала, будто проглоченная неведомым зверем, за ней сгнули и всадники. Замешкался лишь последний, крикнув что-то повстречавшейся девушке с коромыслами. Поднялся на дыбы конь, потряхнул длинным хвостом и провалился вниз следом за остальными.

– Вот и славно, – проговорил с облегчением Федор Юрьевич. – А когда это потратишь, так я тебе еще добавлю. – Вздыхнув тяжело, изрек: – Чует мое сердце, будет нам работа, когда Петр Алексеевич возвратится.

Глава 6

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦ ДЕ КОНТИ

Французские войска, двинувшиеся к границе Польши, не сумели повлиять на решение сейма, который остановился в конце концов на кандидатуре саксонского курфюрста. Главной причиной произошедшего де Конти считал русские войска, подошедшие к границам Польши с востока. Число их было весьма большим, да и действовали они не в пример решительнее французских наемников.

Не ведая об усталости, три ночи подряд русские стрельцы горланили песни, разжигали высокие костры, а пробудившись ото сна, размахивали пиками, обещая вогнать острие во всех несогласных.

Шум, учиненный стрельцами, был настолько велик, что разрушительным валом докатился до самой Варшавы. Уже на четвертый день, отринув последние сомнения, польский сейм выбрал саксонского курфюрста своим королем.

* * *

Горечь от поражения принц Франсуа-Луи де Бурбон-Конти отправился залечивать в замок Шамбор в Бургундии. Замок использовался королевскими особами во время охоты. В иное время он пустовал. Так что лучшего места для отдыха придумать было трудно. Здесь у принца имелись великолепные покои, в которых он часто коротал время с хорошенькими фрейлинами. Но сейчас принц де Конти решил ехать в замок не для адюльтеров, без пышного сопровождения. Всего-то достаточно пары слуг, чтобы заботиться об его одежде и готовить обед.

Замок вырос из глубины аллеи, в который раз поразив воображение принца. Здание казалось почти сказочным. Только садовник, подстригавший кусты у самой стены, никак не вписывался в декорации.

У самых ворот, спрятавшись в тени дерева, сидел Станислав Лещинский, один из немногих шляхтичей, поддерживающих принца. Поначалу де Конти хотел проехать мимо, не удостоив шляхтича даже скупым приветствием (о чем, собственно, говорить, когда королевский трон достался саксонскому выскочке!), но тот неожиданно вылетел на дорогу.

– Принц Франсуа-Луи де Бурбон-Конти!

Этот шляхтич явно безумный. Франсуа-Луи невольно натянул поводья:

– Вы с ума сошли! Мой конь едва не растоптал вас!

– Простите мою настойчивость, я понимаю, как вам сейчас нелегко, – с сожалением в голосе заговорил шляхтич, – но мне бы хотелось переговорить с вами.

– О чем?

– Еще не все потеряно!

– Вы так считаете? – Брови герцога де Конти от удивления поползли вверх.

– Так считаю не только я, так считают многие ваши друзья и союзники, которые заседают в сейме.

Весьма неожиданное начало, пожалуй, к этому шляхтичу стоит прислушаться.

– Что ж, давайте продолжим наш разговор в замке.

Пришпорив коня, принц на полном скаку влетел в распахнутые ворота.

Внутри замок выглядел не столь помпезно, как снаружи. Чувствовалось, что французские короли не баловали его своим вниманием, используя Шамбор как отдаленную резиденцию. Убранство в комнатах тоже было весьма скудным, но зато имелось все самое необходи-

мое. Франсуа-Луи, воспитанный герцогом де Бурбоном, величайшим из полководцев, которых когда-либо знала Франция, привык к аскетизму, а потому не испытывал неудобств.

В этот замок принц де Конти перенес все знамена, которые когда-то завоевал его наставник. Кроме внешнего сходства, – оба долговязые, тонкой, но крепкой кости, с длинными конечностями, отчего их фигуры выглядели слегка несуразными, – их судьбы были в чем-то схожи. Тридцать лет назад герцог де Бурбон так же претендовал на польскую корону, но выбор был сделан в пользу герцога Нейбургского.

Вряд ли он переживал меньше де Конти.

Впоследствии непризнанный и обогланный герцог де Бурбон был вынужден бежать в Испанию, с которой когда-то воевал долгие годы.

Нечто подобное произошло и с принцем де Конти, который был выслан в Шантильи только за то, что он нелестно отозвался о второй жене Людовика XIV Ментенон Франсуазе д'Обиньи, внучке предводителя гугенотов. Кто бы мог подумать, что отверженную Ментенон во Франции может ожидать столь блистательная карьера – из обычной няньки незаконнорожденных детей короля она делается женой монарха.

Так что повод для злословия имелся.

Вместе со знаменами принц де Конти перетащил в замок бронзовый бюст герцога де Бурбона в парадных одеждах. Де Конти неизменно всякий раз подходил к нему, как бы советуясь, когда приходилось принимать трудное решение. Не изменил он привычке и на этот раз. Некоторое время он смотрел в металлические глаза короля. Великий наставник молчал. Следовало самому определить собственную судьбу.

– Так что вы хотели мне сказать? – повернулся принц к Лещинскому.

– Нам известно, почему русский царь принял сторону Августа.

– Ах вот как! – В голосе герцога прозвучала откровенная усмешка. – Поделитесь тогда со мной.

– По нашим данным, русский царь создает антишведскую коалицию, а саксонский курфюрст для этой роли подходит наилучшим образом. Едва он вззошел на престол, как тотчас подтвердил свои союзнические обязательства с Петром.

– Мне это хорошо известно, – холодно произнес принц, едва сдерживая раздражение.

Если разговор будет продолжаться в таком же тоне, то шляхтича придется выставить за ворота.

Однако Лещинский не смутился.

– Не так давно русский царь закончил войну с Турцией и заключил с ней перемирие. Однако он очень опасается, что султан вновь начнет против него боевые действия. А если бы вы, как союзник Турции, сделались королем Польши, то, возможно, ему пришлось бы вести войну на два фронта. России этого не выдержать, и поэтому он не поспешил ни на угрозы, ни на золото. Некоторые люди из польского сейма так разжились за счет царя Петра, что теперь слывут настоящими богачами.

Принц де Конти готов был поклясться, что в словах шляхтича слышалась самая настоящая зависть.

– Пан Лещинский, кажется, вы хотели предложить мне нечто конкретное. Я глух для пустых разговоров.

– Да... Я бы хотел вам сказать, чтобы вы не отчаивались. Уже сейчас подавляющее количество шляхты недовольно новым королем. Он весьма разнузданно ведет себя с женщинами. Поговаривают, что у него около трехсот незаконнорожденных детей...

Франсуа невольно улыбнулся:

– Милейший, вы полагаете, что это большой недостаток? Не знаю, как у вас в Польше, но у нас во Франции подобные вещи вызывают только восхищение. А некоторые правители своим подданным раздают за это даже ордена. В конце концов, ведь они рожают солдат!

Шляхтич оказался упрямым. Он и не думал сдаваться.

– Все это так. Но одно дело, если подобные вещи курфюрст проделывает у себя в Саксонии и совсем другое – в Польше! Август всегда будет в нашем королевстве чужаком, и ему никогда не простят даже мелочь, – заметил Лещинский; де Конти слегка кивнул, в чем-то этот шляхтич был прав. – Не так давно он затащил к себе в спальню дочь самого графа Чарторижского. А ведь она помолвлена с графом Храповицким!

– Вот как. И что?

– Помолвка была расторгнута, а чести девицы нанесен значительный ущерб.

Принц сделал сочувствующее лицо. В этой Польше и впрямь не все в порядке. Если бы срывались помолвки со всеми теми девицами, что побывали в спальне де Конти, то его двор лишился бы половины всех кавалеров.

В действительности принца мало интересовал граф Храповицкий и, уж конечно же, он не собирался подвергаться унынию по этому поводу. Ему стоило оглянуться в недавнее прошлое, чтобы насчитать полсотни разбитых девичьих сердец. Право, он не помнил даже многих имен. Но следовало соответствовать случаю. Закатив скорбно глаза, Франсуа де Конти изрек:

– Все это так печально.

Необходимо как можно быстрее отделаться от навязчивого шляхтича. Оставалось только подыскать благовидную причину. Он допустил ошибку, когда разрешил поляку перешагнуть порог своего кабинета.

Станислав Лещинский вдохновенно продолжал:

– В своих страстях Август II ни в чем не знает удержу. Он посягает даже на замужних дам!

Принц де Конти едва не расхохотался. Этот шляхтич – неисправимый романтик. Или плут, каких свет не видывал. Для мужчины замужество женщины никогда не станет препятствием в интимной близости. Наоборот, оно только сильнее восплаляет воображение. Пожалуй, что обладание замужней женщиной приятнее, чем какой-нибудь девицей, не знающей толк в мужских ласках. И уж как отказать себе в удовольствии после произошедшего адюльтера побеседовать с ее ни о чем не подозревающим мужем, называя его даже своим близким другом, вспоминая при этом его благоверную в самых соблазнительных ракурсах.

– О да! – изобразил де Конти вполне искреннее возмущение. Иногда в разговорах приходится бывать и артистом. – Это отвратительно!

– Скажу вам так, принц. С первой же минуты своего правления Август сделался в Польше очень непопулярной фигурой. Могу заявить с полной уверенностью, что ему вряд ли удастся продержаться долго.

– И сколько же вы ему отводите?

– Думаю, что не более полугода.

Разговор начинал принимать интересный оборот.

– Вот как?

– Среди аристократии зреет заговор, и я – один из его участников.

– Так что же вы хотите от меня?

– Сейчас у Польши очень трудные времена. Не оставляйте ее, – едва не взмолился Храповицкий, – и она ответит вам любовью.

Франсуа невольно перевел взгляд на изображение герцога Бургундского. Герой Тридцатилетней войны Луи II де Бурбон-Конде взирал на воспитанника слегка настороженно. Принц де Конти знал его как никто другой, хотя бы потому, что вырос в тени великого родственника и в подражание ему решил избрать военную карьеру.

За свою жизнь принц де Бурбон получил немало наград и был удостоен многими титулами, а в своем отечестве до самой смерти так и остался первым принцем крови, не став королем. И едва ли не до самой смерти соперничал за польскую корону, потратив на это долгие десять лет жизни. Его могучее здоровье подточила не война, где он неизменно выходил побе-

дителем, а закулисные игры политиков, всякий раз вырывавших из его рук предложенную было корону.

Что ж, это еще раз доказывает истину, что великий полководец не всегда может быть хорошим дипломатом...

В какой-то момент принцу де Конти показалось, что губы великого Луи слегка дрогнули – от былой надменности не осталось и следа.

– Хорошо, – принял непростое решение Франсуа-Луи. – Я могу подождать еще некоторое время.

Лицо пана Лещинского застыло, но уже в следующее мгновение четко очерченные линии сложились в благодарную улыбку. Не скрывая облегчения, он произнес:

– В лице граждан Польши вы, принц, найдете самых благодарных своих подданных. Это я вам обещаю.

Проводив графа, принц де Конти посмотрел в окно. С окон третьего этажа была видна длинная аллея. Идеальное место для отдыха, в котором продумано все до последних мелочей. Имелись здесь даже тенистые беседки, увитые плющом, где знать могла предаваться невинным адюльтерам. Помнится, принц и сам провел тут немало сладостных часов.

В восемь часов вечера у него была назначена встреча, от которой, быть может, зависела его дальнейшая судьба. Герцог невольно вскинул голову и увидел, что большая стрелка на часах переместилась на цифру «двенадцать». В тот же момент дверь распахнулась и верный слуга, старый Жак, который знал его с малолетства, сообщил:

– Ваше высочество, к вам пришел господин де Витт.

Принц развернулся:

– Зови его, Жак!

Через несколько минут в комнату вошел человек лет шестидесяти. С длинными усами порохового цвета, свисающими вниз, и с короткой ухоженной бородкой он мог показаться неуклюжим. Но осанка, могучие плечи и широкая грудь воина невольно вызывали уважение.

– Проходите, адмирал, – доброжелательно произнес принц, стараясь с первой же минуты расположить к себе гостя. – Присаживайтесь.

Мужчина сел на предложенный стул, мягкий, с высокой спинкой. На нем был великолепный белоснежный двубортный камзол и головной убор, расшитый серебряными и золотыми нитями, подчеркивающими его высокое положение и богатство.

– Я уже давно не адмирал, – губы гостя разошлись в лукавой улыбке. – Мои годы уже не те. Сейчас я больше сижу на берегу и лишь посматриваю на море.

Эти слова невольно развеселили принца. Адмирал де Витт никак не мог быть только сторонним наблюдателем. Всю свою жизнь он провел на море и прошел путь от безусого юнга до вице-адмирала флота Голландии. Вряд ли в океане еще оставался уголок, в которой не заносила его флотская судьба.

Карьера де Витта началась с того, что он принял участие в сражении против Англии ¹. И лично приколотил на грот-мачту метлу, свидетельствующую о том, что будет воевать с врагом до тех самых пор, пока наконец не выметет их вон.

Впоследствии де Витт отправился в Вест-Индию, где занимался торговлей. Но, как поговаривали, не упускал благоприятный случай захватить какой-нибудь торговый корабль. Несколько лет он провел в водах Новой Голландии, но уже в качестве пирата, затем три года служил испанскому королю, а потом вновь стал пиратом и более не сворачивал с выбранного пути.

¹ На самом деле к моменту описываемых событий Ян де Витт уже давно умер. Здесь де Витт – собирательный образ. – (Примеч. редактора).

Было время, когда его эскадра состояла из десяти кораблей, и сильнейшие державы мира старались получить его расположение, чтобы использовать силу адмирала де Витта в своих политических интересах.

Де Витт давно уже отверг все моральные принципы и оставался на стороне того, кто больше платит.

В этот раз за помощью к нему обратился принц де Конти. В качестве залога для предстоящего разговора француз высыпал немало золотых монет. Такому красноречивому человеку трудно отказать во встрече...

Глаза у де Витта были темно-синие, очень спокойные и таинственные. Именно такими представляются океанские глубины.

– Для меня вы всегда останетесь адмиралом, – сдержанно отвечал принц.

Губы де Витта слегка разошлись в благодарной улыбке. Он привык к общению с сильнейшими. Ни один из них не удостоил бы его даже взглядом, если бы им ничего от него не требовалось. Следовало держать ухо востро. Французы в нем заинтересованы, а стало быть, это обыкновенная сделка, из которой надлежало извлечь максимальную выгоду.

– Мне это лестно слышать.

Де Витт щелкнул крышкой карманных часов. Эта золотая вещица досталась ему в качестве трофея от английского адмирала. Рядом со старым гербом он выбил собственный, что свидетельствовало о смене владельца.

Принц невольно улыбнулся. Адмирал так подчеркнул свою значимость, а заодно давал понять, что пора переходить к делу.

– Вы знаете о том, что я совсем недавно претендовал на польскую корону?

– Да, кое-что мне об этом известно, – сдержанно отвечал адмирал, не желая вдаваться в детали.

– Все шло к тому, что корона должна была достаться мне, – неожиданно для себя де Конти обнаружил, что в его интонации прозвучала настоящая обида – непростительная оплошность для принца крови.

Возникла неловкая пауза. Адмирал молча ожидал продолжения. Если герцог решил пожаловаться, то нашел не самого благодарного слушателя.

– Возможно, я бы ее и получил, но польский сейм склонился не в мою сторону. Незадолго до выборов ко мне приехали два десятка шляхтичей и уже клялись в верноподданстве, давали присягу. Признаюсь, в какой-то момент я даже расслабился и посчитал своего соперника, саксонского курфюрста, несостоятельной фигурой. Но тут неожиданно появился русский царь Петр...

Адмирал де Витт слегка кивнул, давая понять, что слушает внимательно.

– Я немного в курсе этой неприятной истории, – произнес он. – Царь Петр дважды писал угрожающие письма польскому сейму и требовал, чтобы они приняли сторону саксонского курфюрста Августа, даже грозил им войной. А потом, чтобы поторопить их с выбором, отправил к границе с Польшей свои войска. Кажется, это обстоятельство сыграло решающую роль.

– Совершенно верно, – проявляя подчеркнутую учтивость, согласился де Конти. – А вы осведомлены о моих делах. Не ожидал.

– Не ищите здесь никакого смысла, – сдержанно заметил де Витт. – Мне приходится заниматься очень многими вещами, и я просто обязан быть в курсе различных дел. А потом, сейчас об этом говорит вся Европа.

– Ну да, конечно... Впрочем, ничего удивительного... Роль неудачника не для меня, – принц едва сдерживал отчаяние. – Мне бы хотелось остаться хозяином положения.

– Полагаю, что мы подошли к главному. И какова моя роль во всей этой истории?

– Тогда вы осведомлены и о том, что русский царь путешествует по Европе под вымышленным именем...

– Петр Михайлов.

– Вот именно... Не понимаю, зачем ему нужен весь этот маскарад? Русские всегда отличались странностями.

– Сейчас он пребывает в Кенигсберге.

– Вы – очень понимающий собеседник. И наверняка знаете даже о том, куда Петр должен далее направиться.

Адмирал слегка качнул ухоженной седой головой:

– Я имею представление об этом. Знаете ли, слухи по Европе распространяются значительно быстрее, чем холера. А потом, русский царь Петр просто бредит морем. Частенько представляется в кабаках шкипером, и все эти разговоры доходят даже до моих ушей.

Принц насторожился:

– И что же вы о нем думаете?

– Весьма занятная личность. – Обветренные губы адмирала разодрала широкая улыбка. – Признаюсь, я бы хотел иметь в своей команде такого матроса... Но дело не в этом. Что вы хотите лично от меня?

– Скажу вам откровенно, адмирал. Я не из тех людей, которые способны прощать оскорбления. – Губы принца плотно сжались. – Русский царь должен поплатиться за это. Вы сказали, что представляете его дальнейший путь...

Всего лишь легкий кивок:

– Именно так. Он должен отправиться морем до Нидерландов.

– У меня к вам будет одна просьба... Потопите корабль Петра! С вашими талантами сделать это будет совсем не трудно. А потом, насколько я понимаю, в этом деле у вас имеется некоторый опыт.

– Разумеется. Мне ведь не однажды приходилось участвовать в морских баталиях, – сдержанно согласился адмирал.

– Ну вот видите. Лучше вас это никто не сделает!

– Тогда, герцог, у меня к вам будет встречное предложение. Вы мне предлагали деньги?

– Я плачу за работу.

– Так вот, прошу их взять обратно.

Старый адмирал положил на стол объемистую сумку. Внутри звякнул металл.

Принц нахмурился. Он вправе был рассчитывать на иное продолжение разговора:

– Я вас не понимаю.

– Я достаточно обеспеченный человек и не нуждаюсь в золоте. С возрастом начинаешь понимать, что главное в этой жизни – спокойствие!

От души слегка отлегло. Герцог даже попытался улыбнуться:

– Если вы отказываетесь от денег, то, следовательно, желаете заполучить нечто большее.

– Возможно, вы и правы. В нынешние времена слово настоящего дворянина стоит дороже.

– Так что же вы от меня хотите?

– Сейчас Голландия не та страна, какой она была во времена моей молодости или хотя бы двадцать лет назад, – неторопливо продолжил беседу старый пират. – Тогда помнили о прежних заслугах. Не то, что сегодня. Прежде каждый герой войны пользовался заслуженным уважением. Ныне все переменялось, и даже в прежних героях видят непримиримых врагов. – Адмирал испытующе посмотрел на герцога, но тот оставался невозмутим. – Вот хотя бы взять меня. Мне приписывают различные злодеяния, которых я не совершал, и порочат мое имя рьяного христианина. Признаюсь, я устал от этих нападок. Мне бы хотелось спокойно встретить старость в кругу своих домочадцев. Для своей страны я уже больше не герой. Все забыли о том, что когда-то я дрался с английской эскадрой и одерживал блистательные победы. – Под-

бородок де Витта горделиво приподнялся. – Сейчас они почему-то называют меня пиратом. Герцог, я бы не хотел лукавить... Я прошу вашего покровительства.

Всего такая малость за столь неоценимую услугу. Ободряюще улыбнувшись, принц произнес:

– Хорошо, адмирал. Я сделаю все возможное. В моих дворцах вы всегда будете желанным гостем. А теперь давайте перейдем к делу.

– Герцог, в моем распоряжении пять боевых судов. Так что русскому царю не уйти.

– Я очень на это рассчитываю.

Изящно поклонившись, адмирал ушел.

В окно герцог увидел, что де Витт явился в сопровождении небольшой свиты. Видно, они такие же отчаянные головорезы, как и сам адмирал. Старые, с длинными седыми прядями, свисавшими на широкие плечи, эти люди казались сделанными из кусков морской пены. Камзолы, в которые они были одеты, уже давно вышли из моды. Заметно помятые одежды выглядели так, словно тоже побывали в серьезных передрягах.

О чем-то перемолвившись, мужчины оседлали коней и направились к воротам. Наездники они были никудышные – при каждом шаге лошадей их раскачивало из стороны в сторону, как если бы они угодили в нештучный шторм. Оставалось надеяться, что на палубе корабля эти головорезы чувствуют себя несравненно увереннее, чем в седле лошади.

Как только адмирал со своей свитой скрылся за ровной стеной кипарисов, герцог де Конти подошел к бронзовому бюсту великого Людовика II де Бурбон-Конде. В какой-то момент ему даже показалось, что губы полководца дрогнули. Принц де Конти положил узкую ладонь на плечо принца де Бурбон-Конде, как бы благодаря за молчаливую поддержку. Но потом неловко спрятал ее за спину: а оценит ли полководец подобную фамильярность?

Следует соблюдать субординацию даже с покойниками.

Но одно принц де Конти знал совершенно точно. Его славный предок не прощал нанесенных обид. И уж наверняка отыскал бы способ наказать человека, отнявшего у него корону.

О великом де Бурбон-Конде говорили всякое. Кроме легенд, превозносящих его храбрость, были и откровенные небылицы, придуманные врагами.

Утверждали, что герцог отличался невероятной надменностью, оскорбительной грубостью к подчиненным, его войска выделялись излишней жестокостью и были склонны к неоправданному насилию. Но все эти недостатки не перевешивали его главное достоинство – быстроту и натиск, снискавшему де Бурбон-Конде талант военного гения. Проживая в тени славы великого человека, нужно обязательно чему-то у него учиться. Главный урок – не затягивать с отмщением.

Ответ русскому царю будет столь же стремительным.

В какой-то момент де Конти послышался голос его великого воспитателя: «Я горжусь тобой, мой мальчик!» И Луи-Филипп счастливо улыбнулся.

Глава 7

НЕУЛОВИМАЯ ГРАФИНЯ

Несмотря на предпринятые поиски, отыскать Луизу так и не получилось. Трижды в гостинице встречали женщину, по описаниям очень похожую на графиню, но всякий раз она исчезала за несколько минут до того, как там объявлялись доверенные люди государя. Отчаявшись, Петр Алексеевич уже думал, что никогда не отыщет возлюбленную, но вчера вечером к нему в каморку заявился посыльный и, понизив голос, сообщил о том, что для бомбардира Петра Михайлова имеется письмо от знатной дамы. И вручил царю длинный чугунный ключ со множествами насечек на конце.

Вручив гонцу талер, Петр Алексеевич немедленно вскрыл конверт, пропахший духами. Это было письмо от Луизы. Уже в самых первых строках она удивила его своими признаниями в симпатии, просила соблюдать тайну и написала адрес, по которому ее можно отыскать завтра вечером.

Петр Алексеевич с трудом дождался следующего дня. Повелел денщикам вычистить камзол, до блеска надраить ботфорты, а когда часы отмерили положенное время, подхватил шляпу, висевшую на крюке, и заторопился к выходу.

Как выяснилось, Луиза жила в противоположном конце города. Наняв экипаж, Петр через полчаса был на месте. Поплутав малость, отыскал нужный дом и поднялся на второй этаж, где должна была находиться Луиза.

Перед дверями Петр Алексеевич придирчиво осмотрел себя. Кафтан под мышкой оказался разорван. Сам он никогда не обращал внимания на подобные мелочи, старался одеваться попроще, чем напоминал мелкопоместного дворянина.

Возможно, такой неприятности можно было бы избежать, не оказись у него на пути троих малолетних сорванцов. Заприметив нескладного верзилу, они долго топали за ним следом, невольно раскрывая тайну визита. Петр Алексеевич хотел прогнать их посохом, с которым никогда не расставался, даже подцепил одного за камзол, но пострелыцы, обидевшись, принялись швырять камни, и государю оставалось только ретироваться, закрыв голову руками. Самого дерзкого он сумел ухватить за шиворот, но тот оказался настолько ловок, что сумел не только выскользнуть из его рук, но еще и ободрать полы кафтана.

Осмотревшись, Петр Алексеевич пришел к неутешительному заключению: как тут ни крутись, но прореха видна даже за версту. Оставалось надеяться, что нанесенный урон не станет камнем преткновения для вожаемого адюльтера.

Петр Алексеевич негромко постучал в дверь. Прислушался. Никого. Ошибиться он не мог, в записке указан именно этот дом. Что бы это могло значить?

Толкнув дверь, он обнаружил, что она открыта. Ключик не понадобился. Прошел в комнату. Никого. В распахнутое окно бил ветер, теребя занавески.

Государь уловил легкий аромат духов и вспомнил, что именно такие предпочитала Луиза. Комната небольшая. В углу – кровать. Правда, узковата для двоих, но если подключить воображение, то место может остаться...

Усевшись за стол, Петр Алексеевич решил дожидаться графиню. Не прошло и нескольких минут, как за порогом раздалось поскребывание, какое обычно случается, когда в дверь старается протиснуться собака. Петр Алексеевич поднялся, чтобы впустить приبلудного пса, как вдруг она неожиданно распахнулась и в комнату со смущенной улыбкой вошел неимоверно тощий человек с вытянутой физиономией.

– Вы Питер? – спросил он.

Гибкий, тонкий, как ивовый прут, он без конца раскачивался, отвешивая поклоны. В какой-то момент Петру Алексеевичу показалось, что он надломится и ткнется лбом в секретер. Обошлось.

– Предположим. И что с того? – невесело поинтересовался Петр Алексеевич.

Гость говорил на хорошем немецком языке, аккуратно выговаривая каждое слово. Вот это и настораживало. На немца он был не похож.

– Фройлен Луиза просила сказать, что прийти не сможет. Вы ее не ждите. Она отбывает в Голландию и встретится с вами там.

– А ты кто такой? – недоверчиво спросил Петр Алексеевич. Уж не хочет ли он спровадить нежелательного соперника?

– Я ее поверенный.

Гость не уходил, продолжая разглядывать государя.

– Ну чего встал? – буркнул Петр. – Ступай! Без тебя как-нибудь разберусь.

Посыльный ушел, а Петр Алексеевич остался в комнате. Он во что бы то ни стало хотел увидеть Луизу. Вскоре в дверь опять постучали. Оказывается, графиня живет очень насыщенной жизнью. Или он пришел в день визитов?

– Входите, кто там? – невесело пригласил Петр.

На пороге появился невысокого роста человек весьма напыщенной внешности. Его тяжеловатый взгляд впился в лицо государя.

– Кто таков? – недружелюбно поинтересовался Петр.

В ответ лишь сдержанный поклон.

– Вам наилучшие пожелания от саксонского курфюрста Фридриха Августа I, отныне – польского короля Августа II.

– Вот так новость! Как вы меня нашли?

– Это неважно... Он благодарит вас за помощь и хочет видеть вашу милость в Варшаве.

Петр Алексеевич насторожился:

– А с чего это вдруг я тебе должен верить? Мне посол об этом ничего не рассказывал.

Вытащив грамоту, саксонец протянул ее Петру. Внимательно оглядев свиток, царь убедился в его целостности. Печати на месте. На одной из них оттиск с короной. Потянув за ленту, разорвал печати и, развернув бумагу, принялся читать: «Брат мой Питер! Кланяется тебе твой должник курфюрст саксонский и король Польши Август II. Благодарю тебя за помощь и уверяю, что остаюсь верен антитурецкому союзу. Хотелось бы увидеть тебя в Польше и пожать твою дружественную руку. Надеюсь на скорую встречу».

Петр Алексеевич свернул грамоту. Вот так-то! Как тут инкогнито сохранить, когда любой посыльный знает, что с царем беседует?

– Скажи Августу, что буду у него непременно.

– Когда, Питер?

– Может, через месяц и заявлюсь, – неопределенно пообещал царь. – Как будут складываться дела.

Видно, Луизу сегодня не дожидаться. Петр вышел и тщательно закрыл дверь.

Уже спускаясь с лестницы, он сильно ударился головой о перекладину. Смачно выругавшись, потопал дальше, проклиная низенькие иноземные пролеты.

Выходя на улицу, Петр Алексеевич едва не столкнулся с двумя высокими мужчинами крепкого сложения. Тот, что постарше, имел усы и бороду клинышком; в правом уголке рта – небольшой шрам, который, впрочем, совершенно его не портил; у молодого были короткие стриженные усы. Из-под длинных плащей выглядывали шпаги, колыхающиеся при каждом шаге. Почти не задерживаясь, они поднялись на второй этаж и почти одновременно вытащили оружие.

– Тебе все ясно? – остановившись, спросил тот, что был постарше. – Отсюда он должен выйти только вперед ногами.

– Да. Но как быть с графиней?

Секундная пауза завершилась решительным ответом:

– В этом деле она будет лишней. Ее нужно уничтожить. Таков приказ!

– Она красивая, барон, – отвечал молодой с явным сожалением. – Мне посчастливилось провести с ней ночь.

– О том, что она красивая, я знаю больше, чем кто-либо, – выделяя каждое слово, произнес бородач. – Но что поделаешь! Этого требуют государственные интересы. Я постучусь к ней в комнату. Она знает мой голос и обязательно откроет. Но предупреждаю: как только отворится дверь, следует действовать, не мешкая.

– Я все понял.

– Вот и отлично. – Постучав в дверь, бородач негромко произнес: – Графиня, это я, барон Валлин. У меня для вас есть важная новость. От короля!

За дверью была тишина.

– Похоже, она не хочет нас пускать, – предположил молодой собеседник.

– У нас нет другого выхода. Давайте высаживать дверь. Вы готовы? И... раз!

Косяк треснул.

– Еще один разок!

Дверь широко распахнулась, ударившись о стоявший в прихожей шкаф, и барон вместе с напарником ввалились в комнату.

Их встретила пустота. Никто не взвизгнул от ужаса, никто не вымаливал пощады.

За занавеской было заметно какое-то слабое движение. Барон кончиком шпаги приподнял тяжелую портьеру.

– Ничего.

– Ветер.

– Мне кажется, что нас провели, – обескураженно произнес он. – Другой подходящий случай нам может очень долго не представиться.

– Вот только что мы скажем королю?

– Пойдем отсюда. Нам не следует здесь оставаться.

Развернувшись, барон заторопился к выходу, увлекая за собой молодого напарника.

Глава 8

НА ДЫБУ БЫ ЕГО!

Поздним вечером подле дома, где расквартировался Петр Алексеевич, обнаружили молодца в плаще. Румянцев припомнил, что видел его и раньше, в Риге, опять-таки неподалеку от жилья государя. Подобные совпадения не бывают случайными. Видимо, вражина задумал дурное.

Изловчившись, супостата повязали и поволокли в подвал.

– На дыбу бы его, – произнес князь. – Да где же ее тут взять-то? Не просить же об этом курфюрста.

– Верно, не попросишь, – соглашался стольник Патрикеев.

Высоченный, потный, раскрасневшийся, в рубахе навывпуск, он напоминал заплечных дел мастера Преображенского приказа. Воткнув за голенище плетеный кнут, он вытер потное лицо рукавом рубахи.

Тяжела работа палача!

За хороший почерк и недюжинную грамотность некогда он был определен Петром Алексеевичем в писари. Однако канцелярию неизменно сочетал с пыточными делами, в чем немало преуспел. И охотнее брался за кнут, нежели за перо.

Душу писаря тронули какие-то воспоминания. Широко улыбнувшись, он показал свои огромные зубы, напоминающие лошадиные, и почти мечтательно продолжил:

– Дыба – это хорошо... Когда вороток-то крутишь, суставы трещат, наружу выскакивают, а слова у злодея сами наружу просятся. Пару раз так крутанул, что все мне выложил.

В комнате было жарко. Взяв со стола скомканную тряпицу, Патрикеев обмакнул отсыревший лоб.

– А можно и клещами! – Его лицо вдохновенно преобразилось. По всему видать, тема была выстраданной и занимала все воображение. Глядя на него, охотно верилось, что о пытках писарь канцелярии знает куда больше палача из пыточной избы.

– Желательно их на костре раскалить. Докрасна! Потом же взять за грудину да и вытянуть всю правду по словечку. А то и щипцами можно. Ими куда угодно пролезешь. Ляжки особенно хороши. Так их прижжешь, что он все слова выложит... Хе-хе-хе! Даже то, чего не знал. А потом враскоряку будет шастать. Вот она, потеха! Я тут как-то по городу ходил, на площадь забрел, а там народу тьма собралась. Думаю, что же это за представление такое будет? Оказалось, что весь народ на казнь сбежался. Колесование. У нас такого нет. Ты бы, Петр Алексеевич, присмотрелся к этому. В нашем деле весьма полезно будет, – хитроватые глаза писаря прищурились. Такое впечатление, что он на собственной шкуре испытал, что такое колесование. – Крутанул разок и кишочки-то наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.